

*С.Н. Гончаров*¹

**Россия и Китай:
взаимное влияние на исторические судьбы друг друга.
От ханьского императора У-ди до наших дней**

S • N • 贡恰罗夫

俄罗斯与中国：从汉武帝至今对彼此历史命运的相互影响

S. N. Goncharov

**The Influence of Russia and China on the Historical Fortunes of Each Other:
From Emperor Wu of Han until Today**

Вместо введения

1. Феноменальный рост китайской экономики, безусловно, стал одним из самых выдающихся событий всемирной истории последней четверти XX в. В течение первой четверти XXI в. стало совершенно очевидным, что при всех несомненных проблемах, которые существуют в этой экономике, она развивается не просто за счет огромных резервов дешевой рабочей силы (к настоящему времени таковые практически исчерпаны), но и посредством все более активного и широкого использования новых и высоких технологий. Выяснилось также, что скептицизм, ранее высказывавшийся в связи с возможностью применения китайской иероглифической письменности для разработки и применения компьютерных программ и технологий, явля-

¹ Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН. 谢尔盖·尼古拉耶维奇·贡恰罗夫, 历史学副博士, 俄罗斯科学院东方学研究所中国部首席研究员. Sergey Nikolaevich Goncharov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-8774-0869. E-mail: goncharovsn@gmail.com.

ется совершенно неоправданным. Более того, внезапно стало очевидным, что такая письменность и связанный с нею характерный для китайской культуры мыслительный метод открывают уникальные новые возможности для развития искусственного интеллекта, которыми не обладают другие языковые и культурные системы. В своей программной статье А.И. Кобзев раскрывает специфику китайского «дихотомичного» мышления и высказывает обоснованное предположение о том, что его широкое применение способно в существенной степени определить дальнейшие пути прогресса человечества². Формирующееся новое понимание ранее недооцениваемого интеллектуально-культурного потенциала китайской цивилизации побуждает и к предпринятию попыток переоценки влияния Срединного государства на всемирно-исторические процессы — в том числе в столь важной сфере, как его взаимоотношения с Россией.

2. Когда в середине 60-х гг. зарубежным наблюдателям стало, наконец, ясно, что между Москвой и Пекином назревает серьезный конфликт, резко возрос интерес к изучению истории этих взаимосвязей. «Вторая волна» всплеска интереса к истории советско-китайских отношений наблюдалась в конце 90-х — начале 2000 — х гг., когда завершилась их нормализация и стало формироваться стратегическое партнерство. В это время за рубежами России и Китая сложилось достаточно скептическое отношение к серьезности перспектив сотрудничества между двумя государствами. Третья волна интереса к истории контактов между Москвой и Пекином наблюдается в настоящее время. Теперь зарубежные эксперты стали куда более серьезно относиться к потенциалу такого взаимодействия и предлагают самые разные объяснения причин, приведших к выходу этих отношений на столь высокий уровень.

3. Стала во все большей степени ощущаться потребность в том, чтобы глубже понять сущностное содержание этих двусторонних контактов, выйти за пределы традиционного хронологического изложения фактов из истории российско-китайских отношений. Примером успешной и продуктивной попытки движения в таком направлении можно назвать, например, работу А. В. Лукина, посвященную эволюции представлений о Китае в России на протяжении всего периода активных контактов между двумя государствами³.

4. Кроме того, появилась потребность в том, чтобы выйти за традиционные рамки, отсчитывающие историю современных российско-китайских отношений либо от Октябрьской революции в России в 1917 г., либо от момента образования Нового Китая в 1949 г. И в России,⁴ и за рубежом⁵ появились работы, в которых предпринимается попытка если не осмысления, то изложения истории двусторонних связей как единого процесса, который начался примерно 400 лет назад, с момента первых дипломатических контактов между двумя государствами.

² Кобзев А.И. Китайский путь человечества // Восток (Oriens). 2016. № 4. С. 16–27.

³ Lukin A. (2003). *The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations since the Eighteenth Century*. London; New York: Routledge.

⁴ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: Вест Мир, 2013.

⁵ Snow P. (2023). *China and Russia: Four Centuries of Conflict and Concord*. New Haven; London: Yale University Press.

5. Автору этого текста довелось долгие годы заниматься изучением средневековой и современной внешнеполитической доктрины Китая, историей внешней политики этой страны и советско(российско)-китайских отношений. В результате этих изысканий, переговоров с китайскими партнерами и общения с коллегами, сложилось убеждение в том, что существует некая глубинная, не наблюдаемая на поверхности взаимосвязь, взаимное влияние между историческими судьбами двух государств и населяющих их народов. Этот текст представляет собой попытку реконструировать важнейшие примеры подобного взаимного влияния, и одновременно — попытку на примере российско-китайского взаимодействия раскрыть ключевую роль такого глобального «биполярного» взаимного резонирования в исторических судьбах Евразии. Прошу коллег не критиковать за достаточно многочисленные ссылки на собственные работы — это вызвано только тем, что сюжет этот вызревал много лет, преломляясь через очень разнообразные, казалось бы, не связанные друг с другом темы из различных эпох. Кроме того, мне посчастливилось долгие годы проработать в Китае и посетить многие из уникальных исторических памятников этой страны. Каждый такой визит, помимо всего прочего, вызывал достаточно эмоциональные размышления относительно возможной связи китайского исторического процесса с развитием всемирной истории и истории России. Поэтому я позволил себе отразить в тексте некоторые впечатления о таких визитах.

6. Основная идея данного текста состоит в том, что формирование геополитического облика Евразии в течение по крайней мере последних двух столетий в огромной степени определялось взаимодействием между такими центрами силы, как Россия и Китай. Это взаимодействие на самом деле имеет более чем тысячелетнюю историю и с течением веков становилось все более тесным и всесторонним.

7. В этом тексте автор ни в коем случае не претендует на всесторонний и глубокий анализ многочисленных сложнейших исторических проблем, которые по необходимости в нем затрагиваются. Свою задачу я видел только в привлечении внимания коллег к тому, что на ряд хорошо известных сюжетов можно посмотреть и под углом взаимного влияния России и Китая на исторические судьбы друг друга. Многие из высказываемых соображений наверняка способны вызвать обоснованные возражения. Именно для облегчения возможного обмена мнениями и его конкретизации текст смонтирован из ряда пронумерованных пассажей.

8. Хотелось бы особо подчеркнуть, что все соображения автора и сделанные им выводы отражают исключительно его личную точку зрения, ни в коем случае не принадлежат каким-либо научно-исследовательским или государственным структурам Российской Федерации. Автор также несет полную ответственность за точность и достоверность приводимого в тексте фактического материала.

9. В процессе подготовки текста к печати с ним ознакомились многие коллеги по дипломатической службе, на которой автор состоял 20 лет назад, и по исследовательской работе, которой он занимается в настоящее время. Хотелось бы особо поблагодарить за детальные и исключительно полезные комментарии и замечания Чрезвычайных и Полномочных послов Российской Федерации Л.П. Моисеева и А.Н. Рожкова. Я чрезвычайно признателен моим коллегам по работе в Отделе Китая Института Востоковедения РАН С.В. Дмитриеву и Н.А. Орловой, за целый ряд исключительно цен-

ных конкретных замечаний и исправлений, а также А.И. Кобзеву и Н.В. Руденко, которые ознакомились с самыми ранними вариантами рукописи, подвергшейся после этого коренной переработке.

1. «Великое переселение народов» и принятие Русью православия

1.1. Сложнейшие проблемы взаимоотношений между империей Хань (汉朝, 202 до н.э. — 220 н.э.) и протогосударственным конгломератом кочевых племен сюнну (匈奴) рассматриваются в огромном числе научных монографий и статей. Материальным проявлением такого противостояния и одновременно монументом ему стала Великая стена. Не углубляясь в бездны нерешенных проблем, существующих внутри темы этого исторического противоборства и сосуществования, отметим только, что переломным стал период правления императора У-ди (武帝, 156 — 87 до н.э.). Его полководцы нанесли сюнну ряд сокрушительных поражений и выбили их из цепи оазисов к западу от Китая, игравших важнейшую роль в жизнеобеспечении кочевников⁶. В конечном счете под давлением сил империи Хань сюнну распались на южную и северную группы. При этом «южные сюнну» попали в орбиту влияния китайской империи, а северные вынуждены были начать движение в западном направлении⁷.

⁶ Man J. (2019). *Barbarians at the Wall: The First Nomadic Empire and the Making of China*. London: Corgi Books. P. 143–185. В храме Даймяо (岱庙) у подножья священной горы Тайшань (泰山) в провинции Шаньдун располагается «двор кипарисов эпохи Хань» (汉柏院). Растущие там пять древних кипарисовых деревьев были посажены в эпоху правления императора У-ди, который, следуя требованиям ритуала, несколько раз совершал восхождение на Тайшань. Глядя на эти величественные деревья и понимая, что они ведут свой век с тех времен, когда начался решающий этап процесса, приведшего к уходу части гуннов на Запад и к великому переселению народов, испытываешь совершенно непередаваемые эмоции. На могиле Хо Цюбина (霍去病, 140–117 до н.э.), одного из легендарных полководцев той эпохи, в пригороде современного города Сиань (был столицей империи Хань и носил тогда название Сяньян (咸阳)) стоит знаменитая статуя боевого коня, который запечатывает поверженного воина сюнну. Реплики этой статуи воспроизведены во многих местах — например, на стене VIP-терминала сианьского международного аэропорта. Впрочем, существует и иная интерпретация этой скульптурной композиции: «Одна из статуй имеет особое значение. Обычно описываемая, как “лошадь, топчущая варвара”, она представляется явным символом достижений Хо. Однако такая идея исходит от Виктора Сегалена — французского этнографа и историка искусства и была высказана им в 1914 г., когда он впервые описал эту скульптуру. На самом деле там не происходит никакого запятывания. Эта прекрасная композиция, изваянная из массива гранита весом 3,8 тонны, изображает лошадь, которая просто стоит, расставив ноги над варваром с густой бородой, которого можно узнать по луку в его левой руке и стреле в правой. Похоже на то, что это — статическое изображение идеальной ситуации, при которой лошадь и варвар находятся в официальных отношениях между высшим и низшим, в тот период, когда и горы Цилинь и Западный край были включены в состав империи (Хань — С.Г.)» [Man, p. 161–162].

⁷ Ibid., p. 189–214, 247–264. В современном Китае, безусловно, доминирующей является точка зрения, согласно которой именно сюнну, разгромленные империей Хань, двинулись затем на запад и стали причиной «великого переселения народов», а также гибели Западной Римской империи (см. например популярное изложение этой версии в 李作奎, “将日耳曼人驱出丛林, 使罗马帝国走向灭亡。匈奴西进改变欧洲历史” [Ли Цзокуй. Выгнали германцев из лесных чащ, привели к тому, что Римская империя двинулась к гибели. Продвижение сюнну на запад изменило историю Европы], “环球时报” [Global Times]. 02.02.2005).

В научных кругах нет полного консенсуса относительно того, тождественны ли «северные сюнну», ушедшие от рубежей Срединного государства на запад, «гуннам», обрушившимся на Европу неизвестно откуда. В последнее время, однако же, появляется все больше самых разнообразных косвенных свидетельств наличия родственной связи между этими этническими группами. Верно и другое — в процессе движения на запад (оно, как подсчитали современные специалисты, осуществлялось со средней скоростью от 50 до 90 км в год и происходило по мере быстрого истощения вновь завоеванных пастбищ) сюнну смешивались с этническими группами, которые встречались им на пути и изменяли вследствие этого свой облик. Их движение представляло собой непрерывную цепь сражений и стычек за пастбища, источники воды и продовольствие, что превратило их в еще более мощную, чем прежде, машину, предназначенную для боевых действий и грабежей. Таким образом, миграция «северных сюнну» на Запад, вызванная их стратегическим поражением в противостоянии империи Хань, инициировала «великое переселение» сначала народов, обитавших в Великой Евразийской степи, а затем и в Европе. По данным античных источников, в 158 г. гунны были замечены у Волги и нижнего Дона⁸. На собственно европейских рубежах они появились в 350 г.

1.2. В 395 г., вскоре после появления гуннов в Европе, римская империя распалась на Западную и Восточную части. Среди современных историков существует вполне устоявшееся мнение о том, что военные удары гуннов и «великое переселение народов», вызванное их движением на Запад, стали прямыми причинами гибели Западной Римской империи⁹. В процессе агонии империи Рим был разграблен дважды (в 410 г. — готами и в 455 г. — вандалами). В 476 г. один из варварских военачальников, находившихся на службе у Западной империи, сверг последнего из ее императоров, и она прекратила свое существование. После этого «Вечный город» не раз подвергался новым разграблениям и, несмотря на отдельные попытки восстановления, приходил во все больший упадок.

1.3. В середине V в. великий вождь гуннов Атилла (?–453) начал вторжение в Восточную Римскую империю. Ее император Феодосий II (408–450) после нескольких поражений от степняков и невзирая на возражения воинственных придворных, в 447 г. принял решение согласиться на выплату гуннам значительной дани. Не приходится сомневаться, что одним из факторов, побудивших императора настоять на такой непопулярной политике, была информация о происшедшем совсем незадолго до этого первом разграблении Рима. В результате Атилла прекратил наступление и повернул на Запад. Таким образом был спасен Константинополь, остались нетронутыми Малая Азия и Египет — основные регионы, которые являлись тогда источниками поступления налогов. Это важнейшее событие дало импульс к постепенной выработке Византией особой дипломатической стратегии, состоявшей в том, чтобы подкупать тех варваров, которые располагались на флангах или в тылу варварских этнических или протогосударственных образований, которые представляли в каждый период времени главную угрозу Константинополю, побуждать этих подкупленных

⁸ Ibid., p. 265–290.

⁹ Heather P. (1995). The Huns and the End of the Roman Empire in the West. The English Historical Review. 1995. Vol. 110. No. 435 (Feb.). P. 4–41.

варваров нападать на основных противников Византии¹⁰. Такая стратегия, как правило, оказывалась успешной. Главная причина тому состояла в удивительной эффективности и устойчивости византийской налоговой системы, которая продолжала исправно функционировать даже после опустошительного разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. и вплоть до его взятия турками в 1453 г.¹¹

1.4. Помимо таких военно-дипломатических методов Византия также широко применяла в своей политике в отношении варваров и «мягкую силу», основными элементами которой были развитие торговли и распространение христианской веры. С начала VII в. и вплоть до середины VIII в. наблюдается упадок мощи Византии. На этот период приходится разрушительные внутренние бунты, масштабные вторжения войск персов и арабов. Империя выстояла, и на последующие 300 лет приходится возрождение ее мощи, когда она вновь стала способна эффективно применять весь богатый арсенал средств и методов осуществления внешней политики¹².

1.5. Именно в этот период начинаются все более активные контакты между Византией и Русью. В отношениях между ними ярко проявили себя все методы внешнеполитической деятельности, существовавшие в то время — Византия воевала с Русью, натравливала на нее степных кочевников, однако также периодически на возмездной основе привлекала вооруженные силы русичей для борьбы с собственными врагами¹³. Не менее активно применялось и воздействие с применением «мягкой силы». Здесь между Византией и Русью сформировались отношения, напоминавшие контакты между Римской империей периода ее расцвета и германскими племенами. Применительно к Руси торговля по «пути из варяг в греки» не только рассматривалась как средство удовлетворения потребностей и получения прибыли, но и как метод, позволяющий «цивилизовать варваров» с тем, чтобы в долгосрочной перспективе, в той или иной форме инкорпорировать их в состав империи¹⁴.

¹⁰ Все это, разумеется, очень и очень напоминает такие китайские стратегические установки, как «поддерживать дипломатические отношения с дальними для того, чтобы наносить удары по ближним» (远交近攻) и «использовать варваров для того, чтобы обуздывать варваров» (以夷制夷), которые активно испокон веков применялись Средним государством в его борьбе с северными народами.

¹¹ Люттвак Э.Н. Стратегия византийской империи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. С. 90–143.

¹² Treadgold W. (1998). The Persistence of Byzantium. The Wilson Quarterly. Vol. 22. No. 4 (Autumn). P. 66–91.

¹³ Характерен в этом смысле политический фон, на котором состоялось крещение Руси. В сентябре 987 г. византийский император Василий II Болгаробойца направил посольство в Киев к великому князю Владимиру. Во время переговоров договорились о том, что последний пошлет войска для того, чтобы помочь Константинополю справиться с восстанием полководца Варда Фоки, который провозгласил себя императором. Взамен Владимир должен был получить в жены дочь Василия II Анну, при условии принятия христианства правителем Руси и ее народом. В апреле 988 г. шеститысячный отряд русских склонил чашу весов в битве с мятежниками в пользу Константинополя. Этот отряд остался на службе у византийского императора, произошло крещение Руси, однако Василий II отказался выдавать дочь за Владимира. Тогда весной — летом 989 г. русское войско отправилось походом на Херсон, который являлся владением Византийской империи. См. Porpe A. (1976). The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine–Russian Relations between 986–89. Dumbarton Oaks Papers. Vol. 30. P. 197–199.

¹⁴ Хоскинг Д. Россия и русские: История. Кн. 1. М.: Транзиткнига, 2003. С. 48–49.

1.6. Безусловно, важнейшую самостоятельную роль сыграло принятие Русью христианства. Существуют различные версии того, откуда изначально эта религия пришла в Киевскую Русь. Автору кажется убедительной точка зрения академика М.Н. Тихомирова, который аргументированно доказывает обоснованность традиционной точки зрения о том, что пришла она из Византии.

Судя по всему, верным является и его мнение о том, что знаменитое повествование о выборе князем Владимиром византийской версии православия из числа нескольких разных религий скорее всего носит назидательно-риторический характер и отражает какие-то религиозные дебаты, существовавшие в тогдашней Руси, а также ее контакты с представителями Священной Римской империи, мусульманами — арабами и иудеями — хазарами. В условиях абсолютной приоритетности для Киева дипломатических, военных, торговых и культурных связей с Константинополем вряд ли существовала реалистичная альтернатива выбору византийского варианта православия¹⁵.

1.7. Получается, что такой важный, подлинно судьбоносный шаг, как выбор Русью византийской версии православия в очень значительной степени связан с уничтожением гуннами Западной Римской империи. Появление гуннов в Европе, в свою очередь, имело своей главной причиной то стратегическое поражение, которое они в конечном счете потерпели в противостоянии империи Хань. В силу всего этого впоследствии в Москве именно Константинополь считали «вторым Римом», пришедшим на смену безвозвратно ушедшему с исторической сцены «первому Риму» и передавшим Московскому царству «эстафетную палочку» православной легитимности.

2. Рост самосознания «северных варваров» и укрепление Московской Руси

2.1. Ни в коем случае нельзя представлять «северных варваров» в качестве примитивных дикарей, способных лишь на то, чтобы из века в век совершать разрушительные и однообразные набеги и походы на Срединное государство. В реальной жизни каждый из народов, которых китайцы относили к категории «северных варваров», достаточно динамично развивался, не только усваивая достижения китайской цивилизации, но и изучая опыт своих предшественников.

Попробуем кратко проиллюстрировать некоторые основные этапы этого не слишком хорошо известного процесса.

2.2. С 286 по 439 г. Северный Китай был охвачен постоянными войнами. В это время (традиционно данный период именуется эпохой «16 государств» 十六国) здесь шла борьба между различными образованиями, многие из которых были созданы вождями «северных варваров» различного этнического происхождения (五胡, «пять видов северных варваров», среди которых были и упоминавшиеся выше потомки «южных сюнну»).

До создания собственных государственных образований такие племена, как правило, подобно вышеупомянутым сюнну, долгое время проживали на территории китайской империи Хань и ее наследников, принимали китайские имена, язык и обычаи, служили

¹⁵ Tikhomirov M.N. (1959). The Origins of Christianity in Russia. History. Vol. 44. No. 152. P. 199–211.

при дворе китайских правителей и зачастую занимали там самые высокие посты¹⁶. Правители некоторых из подобных государств сознательно проводили политику китаизации, пытаясь использовать разработанные в Срединном государстве институты управления для построения и укрепления собственной централизованной власти¹⁷.

2.3. В конце IV в. племена сяньби (которые во II в. нанесли серьезные поражения сунну) захватили обширные территории Северного Китая и основали государство Тоба (拓跋 — имя правящего рода сяньби) (Северная Вэй (386–535)). Через некоторое время правители этого государства приняли решение о том, что их собственные культура и обычаи не представляют ценности на фоне китайской культуры, и поэтому необходимо полностью заимствовать культуру Срединного государства, фактически отказавшись от своей. Судя по всему, императорский указ о смене культуры и обычаев был проведен в жизнь со всей серьезностью¹⁸. Кроме того, правители Северной Вэй осуществили целый ряд идеологических и символических (полное принятие китайской ритуальной системы, подбор подходящего природного элемента, являющегося присущим государству, внесение в летописи необходимых астрономических и прочих природных знамений) шагов для того, чтобы «вписать» свое государство в цепочку легитимных китайских государственных образований¹⁹.

Ситуация полностью изменилась примерно через 900 лет, к периоду между X и XIII вв. В это время кидани (потомки сяньби) создали государство Ляо (907–1125), чжурчжэни — империю Цзинь (1115–1234), а тангуты — государство Западное Ся (1038–1227).

Все эти народы обладали качественно более высоким уровнем самосознания, чем сяньби. Это, прежде всего, выражалось в том, что каждый из них создал чрезвычайно развитую и сложную систему письменности, разительно отличавшуюся от китайской²⁰.

¹⁶ Corradini P. (2006). Sinicized Barbarian Rulers in Medieval China. *Rivista degli Studi Orientali* (Nuova Serie). Vol. 79, 1–4. P. 87–96.

¹⁷ Honey D.B. (1996). Sinification as Statecraft in Conquest Dynasties of China: Two Early Medieval Case Studies. *Journal of Asian History*. Vol. 30. No. 2. P. 115–151.

¹⁸ Deng S., Qiu Q. (2024). Sinicization of Toba Xianbei in China Is a Model of Great National Integration. *International Journal of Education, Culture and Society*. No. 9(1). P. 21–26. Как всем известно, Северная Вэй (北魏) оставила после себя такие великолепные памятники как «симметричные» и огромные пещерные храмовые комплексы Юньган (云岗) близ современного Датун в провинции Шаньси) и Лунмэнь (龙门) близ Лояна в провинции Хэнань), а также монастырь Сюанькунсы (Висящий в пустоте) в провинции Шэньси на пути из Датун в Лоян. Юньганский и Лунмэньский комплексы являются памятниками буддистского искусства, Сюанькунсы (悬空寺) — храмом, в котором молились адепты буддизма, даосизма и конфуцианства. В обоих пещерных комплексах имеются огромные и очень выразительные статуи, имеющие портретное сходство с императорами из рода Тоба, однако нет практически никаких элементов собственной культуры сяньби. Столица Северной Вэй была перенесена из Датун в Лоян с целью содействовать процессу китаизации и сломать сопротивление ему со стороны племенной аристократии сяньби.

¹⁹ Liu Puning (2018). Becoming the Ruler of the Central Realm: How the Northern Wei Dynasty Established Its Political Legitimacy. *Journal of Asian History*. Vol. 52. No. 1. P. 63–117.

²⁰ Есть сведения о том, что и в более ранние времена некоторые из северных народов разрабатывали собственную письменность. Ее образцы до нас не дошли, поскольку, судя по всему, она не имела слишком широкого распространения. Основатель государства Ляо Елюй Абаоцзи приказал разработать «большое» и «малое» киданское письмо исходя из осознанного стремления к сохранению своеобразия своего народа, к предотвращению растворения в море китайской культуры [Mote F.W. (2022). *Imperial China, 900–1800*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press. P. 42–43].

Не менее важным показателем уровня их самосознания был выбор ими названий государств. Когда сяньби захватили обширные земли Северного Китая, то присвоили своему государству название «Вэй», где Вэй было наименованием ранее располагавшегося на этих территориях древнего китайского царства. Таким образом они демонстрировали намерение включить собственное государственное образование в «мэйн-стрим» китайской культурно-исторической традиции. Их потомки выбрали избрали для названия собственного государства понятие, ничего общего не имевшее с наименованием какого-либо из древних китайских царств.

До настоящего времени существуют различные трактовки того, как понимать название Ляо (辽). Согласно одной версии, оно означает железо, сталь, согласно второй — обширные просторы, степь, пустыню. Наконец, в соответствии с третьей трактовкой речь идет о реке Ляо, на берегах которой зародился киданьский народ. В любом случае, здесь мы наблюдаем демонстративное стремление поставить себя вне китайского историко-культурного и географического «мейнстрима», подчеркнуть своеобразие и самобытность.

Аналогичным образом обстояло дело и с названием государства Цзинь. Ее основатель Ваньян (имя правящего рода чжурчжэней) Агуда (1068–1123, 完彦阿骨打, Храмовое имя Тай-цзу 太祖) в 1115 г., разъясняя выбор названия государства, заявил, что Ляо — это железо, которое хоть и прочно, но рано или поздно ржавеет. Поэтому, заявил Агуда, он решил назвать свое государство Цзинь (золотым), не подверженным ржавлению²¹.

Другая трактовка этого названия гласит, что государство назвали по имени «Золотой реки» (Аньчуху по-чжурчжэньски) на берегах которой зародился этот народ.

2.4. Основатель государства Ляо Елюй Абаоцзи (872–926, 耶律阿保机, Храмовое имя Тай-цзу) глубоко размышлял об исторической судьбе многочисленных государств, создававшихся северными народами в прежние времена. Он пришел к выводу, что проводимая правителями этих государств политика китаизации подрывала начальную боевую мощь северных народов и создавала условия для краха их власти²².

Такой образ мышления вообще характерен для представителей «новой формации» правителей северных этносов, захватывавших Китай в эту эпоху. В полной мере осознав ценность собственных культуры и языка, эти народы также пришли к выводу о том, что их сохранение является залогом удержания власти над куда более многочисленным, чем они сами, китайским населением.

В результате были приняты решения о том, что наиболее эффективным является сохранение китайских методов управления и китайской бюрократии для того, чтобы руководить оказавшимся под властью «варварских» династий китайским населением. При этом северные завоеватели набирали значительное число «управленческих кадров» из числа людей, проживавших в районе современного Пекина.

Эти люди в течение многих веков обитали на территориях, которые контролировались различными группами «северных варваров», заключали с последними смешанные браки, перенимали их бытовые привычки и одежду. Ханьское население,

²¹ Jin shi 金史. (n.d.). Benji, juan 2 本纪, 卷二 [History of Jin, Basic Annals, vol. 2].

²² Mote F.W. Op. Cit. P. 37–38.

проживавшее в более южных регионах, не воспринимало этих «прото-пекинцев» как подлинных китайцев, считая их какой-то промежуточной группой между истинными китайцами и «варварами»²³.

2.5. В случае возникновения военно-политической необходимости кидани и чжурчжэни не видели ничего невозможного в том, чтобы идти еще дальше и создавать на китайской территории марионеточные государства, которые всецело управлялись китайцами, однако на деле полностью повиновались приказам их северных повелителей. Одно из таких государств (китайцы именовали его «фальшивым», то есть марионеточным Ци, 伪齐) охватывало территории современных провинций Шаньдун, Хэнань и Шэньси и вполне успешно просуществовало там целых семь лет (1130–1137), пока не было упразднено чжурчжэньскими хозяевами. Такие марионеточные государства играли не только роль стратегических «буферных зон», но и представляли собой механизм экономической эксплуатации оккупированных регионов. Так например, марионеточное государство Ци обязано было ежегодно выплачивать своим чжурчжэньским хозяевам дань в 350 000 связок монет²⁴.

2.6. Вместе с тем кидани и чжурчжэни также понимали критическую необходимость сохранения боевого духа собственных войск, предотвращения их растворения в китайском этносе. С этой целью в Ляо и Цзинь была создана так называемая дуалистическая система управления.

В ее рамках в государстве Ляо действовали два «тайных военных совета» (枢密院), один из которых отвечал за управление киданями, а другой — китайскими подданными. В государстве Цзинь, как мы уже отметили, китайцами управляли всецело в рамках привычной для них системы, а чжурчжэнями — посредством их своеобразных традиционных военизированных структур «мэнъянь» и «моукэ»²⁵.

2.7. Ключевое значение при рассмотрении нашей темы имеет период великих монгольских завоеваний, формирование Чингисханом и его потомками огромной Евразийской империи. Согласно устоявшемуся мнению, решающую роль в утверждении в монгольском государстве в период его становления, китайских методов управления, сыграли реформы, проведенные высокопоставленным чиновником киданьского происхождения Елюй Чуцаем (耶律楚材, 1190–1244). Его мать была китайкой. Этот человек, успешно служивший империи Цзинь, в конечном счете перешел на службу к Чингисхану, заслужил его уважение и доверие. После смерти Чингисхана в 1227 г. Угэдей (которого Чингисхан при жизни назначил наследником) сделал Елюй Чуцаем своим главным доверенным советником. Последний, будучи главным придворным астрологом, сыграл выдающуюся роль в том, что во время «великого курултая» 1229 г. Угэдей одолел соперников и был официально утвержден в качестве наследника Чингисхана.

²³ Гончаров С.Н. О термине «хань эр» в китайских источниках X–XIII веков // О Китае средневековом и современном: записки разных лет / Под общ. ред. акад. А. А. Кокошина. Новосибирск: «Наука», 2006. С. 21–33.

²⁴ Гончаров С.Н. Об одной традиции в истории средневекового Китая (Иноземные завоеватели в Китае X–XIII веков и зависимые от них государства) // Там же. С. 21–33; Зависимое от чжурчжэней государство Ци (1130–1137) // Там же. С. 44–100.

²⁵ См. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1127–1142). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 58–59.

Именно через таких деятелей, как Елюй Чуцай, происходило усвоение монгольской верхушкой богатого опыта управления Китаем, накопленного и империей Цзинь, и другими «династиями-завоевателями».

2.8. В соответствии с традиционной точкой зрения, к моменту утверждения этого официального статуса Угэдея, в монгольской верхушке существовало две группы, представлявших совершенно различные подходы к управлению завоеванным к тому времени населением Северного Китая: «Представители первой группы стремились утвердить эффективную политику управления с использованием старых китайских моделей, в котором участвовали бы китайские чиновники, и также пытались избежать расчленения страны на наследственные владения монгольской аристократии... военная власть должна была принадлежать монголам и некоторым представителям китайских военных командиров, которые перешли на сторону монголов. Гражданская власть должна была быть передана в руки местной образованной элиты»²⁶. Елюй Чуцай был ведущим членом группы, которая разделяла такие позиции и поддерживалась Угэдэем.

2.9. «Во вторую группу входили монгольские генералы, военные и влиятельные придворные, которые были противниками оседлого образа жизни, предполагавшего занятие сельским хозяйством и обитание в городах. Они выступали за полное уничтожение покоренного населения, за захват его земель и их превращение в пастбища»²⁷. Согласно этой традиционной версии, Елюй Чуцай добился права на проведение в 1230–1231 гг. эксперимента по сбору налогов с населения Северного Китая и с цифрами в руках доказал монгольской верхушке, что такой метод является неизмеримо более эффективным, чем уничтожение населения и превращение сельскохозяйственных угодий в пастбища.

Таким образом, в фольклорной традиции образ Елюй Чуцай утвердился в качестве спасителя китайского народа от «монгольского геноцида». Именно в этом качестве он удостоился чести быть запечатленным на памятнике, расположенном в очень красивом и малолюдном уголке парка Ихэюань в Пекине.

2.10. Похоже, что в данном случае мы имеем дело с легендой, подобной рассказу о выборе религии великим князем Владимиром. История о спасительной роли Елюй Чуцай неплохо отражает важнейшие процессы, проходившие в социуме вскоре после захвата монголами Северного Китая. Вместе с тем вряд ли можно говорить о некоей структурированной дискуссии между сторонниками двух вышеупомянутых точек зрения.

Ученый, глубоко изучавший социальную историю Северного Китая, констатирует, что в районах военных лагерей, где проживали семьи монгольских воинов, действительно имели место случаи, когда вырубались тутовые деревья, использовавшиеся для разведения шелкопряда, уничтожались урожаи сельскохозяйственных культур и вся эта территория превращалась в пастбища для скота²⁸.

²⁶ Sletneva T. (2022). Yelu Chucai's Movement in the Mongolian Court Described in Yuanshi. *Journal of East Asian Cultures*, 1. P. 39.

²⁷ Ibid, p. 40.

²⁸ de Rachewiltz I. (1966). Personnel and Personalities in the Early Mongol Period. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 9. No. 1/2 (Nov.). P. 133.

Это, однако же, не было главной и определяющей тенденцией. Таковая состояла в массовом принятии на монгольскую службу военных и гражданских чиновников, служивших тангутскому государству Ся, чжурчжэньской империи Цзинь и китайской Южной Сун. Это не могло не сопровождаться внедрением практиковавшейся в этих государствах системы управления.

Елюй Чуцай в начальные годы правления Угэдея действительно пытался внедрить систему централизованного налогообложения, однако проводимые им реформы оказались малоэффективными из-за саботажа и прямого сопротивления со стороны владельцев возникших в Северном Китае крупных латифундий, среди которых были не только монголы, но и перешедшие к ним на службу кидани, чжурчжэни и китайцы²⁹. Решение о выделении этих огромных наделов своей родне и преданным китайцам было принято тем самым Угэдем, который поддерживал Елюй Чуцай в его стремлении последовательно внедрять в империи китайские методы управления.

Нужно признать, что вообще внедрение дуалистических методов управления, а также связанная с этим практика организации марионеточных государств на первом этапе правления монголов усваивалась ими труднее, чем, например, киданями и чжурчжэнями³⁰.

Такое относительно более тяжелое принятие монголами методов дуалистического управления создавало существенные трения между ними и покоренным китайским населением. Не случайно, что монгольская империя Юань погибла не из-за вторжений внешних врагов, а из-за мощного внутреннего бунта.

Главное состояло в том, что идея марионеточных образований была жива, известна монголам и могла быть в любой момент применена ими на практике.

При всех трудностях и сбоях все-таки происходил процесс заимствования монголами китайских методов управления. Раздача монголами этих наделов, держателей которых монгольские правители рассматривали как своих «нукеров», товарищей по оружию, препятствовала созданию централизованной системы налогообложения, но не мешала внутри каждого из наделов управлять ханьским населением китайскими методами.

Таким образом, накануне принятия в 1235 г. решения о походе на Русь монголы уже стали исходить из того, что покоренными земледельцами нужно управлять с применением традиционных методов сбора налогов и организации выполнения повинностей, а не стремиться к их истреблению и превращению полей в пастбища.

²⁹ Ibid, p. 88–144.

³⁰ Даоский патриарх Чан-чунь (长春道人, светское имя Цю Чуцзи 丘处机, 1148–1227), вызванный на прием к Чингисхану, дабы поведать ему о секретах долголетия, посоветовал монгольскому владыке создать на территории китайской Срединной равнины марионеточное государство по типу уже упоминавшегося ранее государства Ци. Однако же с внедрением этих идей в практику все обстояло не здорово. В 1233 г., когда монголы уже разгромили основные силы чжурчжэней, военачальник Цуй Ли, находившийся в осажденном Кайфэне, перебил цзиньских министров и возвел на трон члена чжурчжэньского правящего клана под титулом Вэй-шао ван. Затем Цуй Ли вышел из города с дарами для того, чтобы сдаться монгольскому полководцу Субудэ. Цуй Ли не скрывал намерения повторить опыт Лю Юя, которого чжурчжэни возвели на престол в качестве правителя «фальшивого Ци». Эта попытка завершилась полным провалом — монголы перебили Цуй Ли и его семью [Гончаров. Дипломатия императорского Китая, с. 60–61].

2.11. Именно такая общая, с некоторыми местными вариациями, линия проводилась монголами при организации управления Русью³¹. На Юго-Западной Руси (Украине, в Переяславской и Киевской землях и в Подолии) монголы полностью убрали княжескую администрацию и заменили ее своим прямым управлением. Возможно, здесь сказалось стремление особенно жестко контролировать те территории, где живы были наиболее древние и сильные традиции собственной государственности. В Галицкой, Волынской, Смоленской и в Чернигов-Северской землях, равно как и в Восточной Руси, монголы установили собственное управление наряду с княжеской администрацией. В большей части страны монголы позволяли местным князьям продолжать править их княжествами под властью хана Золотой Орды и сюзеренитетом великого хана Монголии и Китая.

Такая форма правления отвечала практике выделения «наделов» и одновременно крайне напоминала создававшиеся киданями и чжурчжэнями марионеточные государства во главе с представителями местного населения. Как указывалось ранее, она, эта практика, применялась не только для создания «буферных зон» между собственными силами и противником, но и (через выплату дани) для эксплуатации местных жителей.

Нам прекрасно известно, сколь искусно воспользовались правители Великого княжества Московского такой предоставленной им свободой для маневра.

2.12. Кроме того, следуя китайской практике, установившейся начиная с периода Западной (Ранней) империи Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) и развитой в последующие эпохи, «северные варвары» позаимствовали две параллельные иерархические системы управления на региональном уровне — гражданская «вертикаль» возглавлялась чиновниками системы «тайшоу» (太守), а военная — чиновниками системы «дувэй» (都尉)³². Монголы позаимствовали эту структуру при разгроме государства Западные Ляо 西辽 (1124–1218), созданного «черными киданями» (кара-кидани) и явившегося наследником империи Ляо. Такая система была распространена монголами на все части своей империи. При этом в основанном монголами в Китае государстве Юань военные чиновники именовались *tanma(cí)*, а гражданские — *daluhuachi*. Применительно к Руси военные чиновники именовались *baskak*, а гражданские — *daruga*, *doroga*, *doraga*. При этом «баскаки», как правило, играли ведущую роль в уже завоеванных, но еще не покоренных землях, а гражданские — после стабилизации ситуации. Зачастую функции военных и гражданских чиновников накладывались друг на друга³³.

2.13. Во времена монгольского правления основными обязанностями населения Руси были выплата налогов и выделение рекрутов в армию. Для контроля за выполнением этих обязанностей периодически проводились переписи населения (в Среднем государстве, как известно, они осуществлялись, едва ли не начиная с периода

³¹ Вернадский Г. Монголы и Русь. Москва: Издательство «Ломоносов», 2023. С. 189–191.

³² Описание этой системы в период Западной Хань см.: Chen Maotong 陈茂同. (2004). *Zhongguo lidai guan zhi yange shi* 中国历代官职沿革史 [History of the Evolution of Official Posts in China Across the Dynasties]. Tianjin 天津: Baihua wenyi chubanshe 百花文艺出版社 [Baihua Literature & Art Publishing House]. P. 105.

³³ Ostrowski D. (1998). The “Tamma” and the Dual-Administrative Structure of the Mongol Empire // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 61. No. 2. P. 262–277.

Воюющих царств, 战国, 474–221 гг. до н.э.). Первоначально в ряде российских княжеств за сбор налогов отвечали «баскаки». Однако же, применительно к Северо-Восточной Руси понятие «баскак» исчезает со страниц летописей к 1310 г. «Надо полагать, что функции сбора дани и мобилизации войск были закреплены за русскими князьями. Контрольные функции были переданы специальному чиновнику — даруге (синоним баскака), который, однако, находился теперь при дворе хана, а не на территории вверенного ему княжества», — пишет Ю.В.Селезнёв³⁴.

2.14. Конечно же, ни в коем случае нельзя отрицать того, что история монгольского владычества была переполнена кровавыми карательными походами монголов для подавления восстаний, вспыхивавших в различных регионах Руси, грабительскими набегами и другими вооруженными конфликтами³⁵.

При всем при этом нельзя отрицать, что в очень серьезной степени содержание монгольского правления определялось тем, что применялись те институты и методы управления покоренным оседлым населением, которые в течение многих поколений усваивались северными соседями Срединного государства либо разрабатывались этими северными этносами самостоятельно. Таким образом Русь впервые напрямую испытала на себе влияние исторического опыта, возникшего в культурно-политическом ареале Срединной империи.

2.15. У периода монгольского владычества существовало еще одно, пожалуй, не менее важное измерение, которое в модной ныне терминологии можно определить, как «геополитическое». Попробуем очень кратко и схематично изложить историю Орды, руководствуясь при этом выводами Ю.В. Селезнева³⁶.

«Улус Джучи (в русских источниках XIII–XV вв. — Орда, а с XVI в. — Золотая Орда) был образован при выделении старшему сыну Чингиз-хана кочевого удела. Как убедительно показано М.Г. Сафаргалиевым, это произошло, а 1207–1208 гг.». После смерти Джучи-хана в феврале 1227 г. во главе улуса встал его второй сын Бату (Батый). Именно при нем Русь, как известно, стала частью Джучиева улуса.

В 1260-х гг. Монгольская империя переживала острый политический кризис. Берке — глава улуса Джучи — поддержал Ариг-бугу в борьбе за верховный престол в Карокуруме в то время, как глава Ирана Хулагу поддержал Хубилая. Победа Хубилая в борьбе за престол поставила улус Джучи в оппозицию центральной власти и привела к фактической независимости от нее.

³⁴ Что касается обязанности предоставлять людей в монгольское войско, то Александр Невский «отмолил» от этой «нужды» в 1262/1263 гг., во время своей последней поездки в Орду. «С этого времени в ордынских военных мероприятиях принимают участие дружины русских князей, комплектуемые по отечественным мобилизационным правилам и нормам под контролем княжеских чиновников, а не ордынских баскаков. Этот факт можно считать первым шагом к высвобождению от ордынской зависимости, ослаблению системы “ига”»³⁴. См.: Селезнёв Ю.В. Картины ордынского ига: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 44–45.

³⁵ Согласно подсчетам, проведенным Ю.В. Селезневим, за период 1223–1502 гг. в источниках зафиксировано более 152 вооруженных столкновений русских и ордынских войск, русские княжества подвергались ордынским вторжениям более 100 раз. В монографии Ю.В. Селезнева в табличной форме приводятся сведения обо всех этих столкновениях. См.: Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2010. С. 24–190. Этим исследователем был проделан без преувеличения уникальный объем работы.

³⁶ Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. С. 42–44.

Автор хотел бы здесь особо подчеркнуть, что в 1264 г. Хубилай перенес столицу из степного Карокурума в Даду (Ханбалык, Пекин). Тем самым был сделан решительный шаг в его превращении из правителя всех монголов в китайского императора, которого в весьма незначительной степени волновали заботы Улуса Джучи.

После этого Орда испытывала как острые политические кризисы (1280–1300, 1360–1380 гг.), так и периоды подъема (1300–1357, 1380–1395, 1400–1407 гг.). Примерно начиная с 1419–1420 гг. разразился кризис, от которого Золотая Орда уже не смогла оправиться, наступил ее быстрый и необратимый распад.

2.16. Неотъемлемой частью отношений между Русью и монгольскими государствами были поездки русских князей в монгольские столицы за ярлыками (мандатами) на правление. С 1242 по 1445 г. 108 князей и три княгини совершили 266 таких поездок (в среднем по 2,5 поездки на каждого)³⁷. Совершенно понятно, что первоначально эти путешествия совершались в Карокурум, а после фактического разрыва отношений Улуса Джучи с центральной властью — в столицы Золотой Орды, которые располагались в среднем и нижнем течении Волги.

2.17. Совершенно очевидно и то, что, делаясь впечатлениями от ранних поездок в монгольские штаб-квартиры, российские правители не могли не сообщать подданным, что они имеют дело с мощной централизованной державой, основные силы которой, находящиеся на берегах «золотого Керулена и голубого Онона», всегда могут при необходимости прийти на помощь экспедиционному корпусу, захватившему Русь.

В последующие времена содержание впечатлений, получаемых при посещении столиц Золотой Орды не могло не измениться. Теперь речь могла идти о сильном, но не сверхсильном противнике, безнадежно изолированном от основных степных сил и во все большей степени подверженном дроблению в результате внутренних междоусобиц.

Будучи прекрасно осведомленными обо всех нюансах ситуации в Орде, русские князья стали занимать весьма агрессивную наступательную позицию и с 70-х гг. XIV в. «начинают активно вмешиваться в дела противоборствующих претендентов на ханский престол»³⁸.

Как продемонстрировал в своем прекрасном исследовании А.Т. Шашков, уже во второй половине XV в., задолго до окончательного падения Казанского ханства, Московская Русь начинает активную экспансию в северо-восточном направлении, приступает к энергичному вмешательству в отношения между государственными образованиями, располагавшимися на Урале и к востоку от него. Конечной целью было вновь пробить ведущий в Китай «великий меховой путь». Это направление внешнеполитической активности возникло у древнерусских княжеств еще в XII–XIII вв., однако было пресечено монгольским нашествием³⁹.

2.18. Мы помним, как в начале первого тысячелетия нашей эры мощное притяжение империи Хань разорвало этнос сюнну на северную и южную группы. При

³⁷ Там же, с.179. Подробную таблицу со сведениями о каждой из этих поездок см. в Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. М.: Ломоносовъ, 2022. С. 222–363.

³⁸ Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты. С. 13.

³⁹ Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–44.

этом южные сюнну, попавшие в орбиту китайского влияния, стали основателями целого ряда государственных образований в Северном Китае.

Примерно то же самое произошло с монгольским этносом в XIII в. Самая значительная и мощная его часть оказалась захвачена непреодолимым притяжением Срединного государства, покинула степную столицу и погрузилась в бездонные глубины китайской политико-культурной общности — хотя и не смогла в ней всецело раствориться.

Относительный геополитический вакуум, который возник в результате этого в самом Карокуруме и на исконных монгольских территориях вокруг него, как мы увидим, сыграет очень важную и отнюдь не самую позитивную роль в исторических судьбах монгольского этноса.

Отрыв Улуса Джучи от степной сердцевины монгольского этноса в стратегическом плане резко облегчил Руси борьбу за освобождение от монгольского господства и создал исторические предпосылки для дальнейшего дробления и ослабления Орды.

Уже первые успехи Руси в борьбе за свержение монгольского ига указали ей направление дальнейшей экспансии — на Восток, за Урал. Это направление было для наших предков не столь уж неизведанным — ведь примерно по этому пути двигались в XIII в., до перенесения монгольской столицы из Карокурума в Пекин, многие князья и их свиты.

Таким образом постепенно создавались условия для качественно нового этапа взаимодействия между двумя империями, в ходе которого они встретились лицом к лицу.

3. Встреча двух империй и пограничное размежевание

3.1. Первый из описанных случаев взаимного влияния России и Китая на исторические судьбы друг друга носил косвенный характер. В этом случае процессы, инициированные Срединным государством и приведшие к судьбоносным последствиям для древней Руси, начались задолго до того, как она появилась на свет.

Во втором случае это влияние было куда более непосредственным. Как и в первом случае, источником влияния был Китай, а Русь выступала в качестве объекта воздействия.

Третий случай, который будет рассмотрен в этом разделе, полностью отличается от первых двух в силу того, что активной стороной в нем впервые выступила российская, а также по той причине, что впервые в истории два государства вступили в прямые и чрезвычайно интенсивные контакты друг с другом.

3.2. Если мы посмотрим на географическую карту, то увидим, что естественным основным направлением территориальной экспансии России является восточное. Естественным пределом такой экспансии выступает Тихий океан. На Западе продвижение было ограничено наличием целой системы государств Восточной и Западной Европы, на юге — владениями Османской империи и Ирана, за которыми в XVII–XIX вв. стояли мощные западные союзники.

Если говорить об этом восточном направлении территориальной экспансии, то оно облегчалось сходством сурового климата Западной и Восточной Сибири с кли-

матом Северной и Центральной России, а также возможностью практиковать там такие виды деятельности, как земледелие и скотоводство в суровых северных условиях, охоту, рыболовство и собирательство.

Также крайне важно, что территории к востоку от Урала являлись источником пушнины — «мягкой валюты» того времени — а также золота, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней, столь редких в европейской России. Фактором, сдерживавшим российскую экспансию в восточном направлении, сначала была мощная монгольская империя, а впоследствии Золотая Орда, подобная оторвавшейся от основного айсберга огромной льдине, которая с течением времени все больше размягчается, крошится и покрывается все более густой паутиной внутренних трещин, вызванных междоусобной борьбой за власть.

3.3. Для того чтобы понять особенности китайского отношения к территориальной экспансии, мы должны прежде всего вспомнить о том, что вплоть до XIX в. эта страна являлась крупнейшей экономикой мира, ВВП которой составлял до трети от мирового. В этих условиях Китай мало что приобретал в случае прямого завоевания территории соседей. Китай был заинтересован в лояльности сопредельных государств, в обеспечении гарантий того, что с их территории не будет исходить угроз безопасности для него. Идеальным методом достижения подобной цели служило подключение соответствующих государств к «мироустроительной» «даннической системе»⁴⁰.

В тех случаях, когда этот метод не срабатывал и правители Срединного государства видели признаки появления угроз на своей периферии, они могли идти на организацию военных походов против сопредельных стран. Приоритетным направлением реальной экспансии для Китая было западное — в сторону Центральной Азии — но не по той причине, что существовало стремление присоединить эти территории с целью хозяйственного освоения.

Западное направление было интересным, поскольку контроль над ним открывал сухопутные пути для торговли с Ближним Востоком и Европой, которая издревле была для Китая крайне выгодной. Самые успешные примеры китайской экспансии при династиях Хань и Тан связаны именно с реализацией стратегии пробивания таких торговых коридоров по маршруту Великого Шелкового пути.

На всех направлениях своей потенциальной геополитической экспансии Китай сталкивался с очень серьезными препятствиями. К югу и востоку от него, на территориях Юго-Восточной Азии, Корейского полуострова и Японии располагались зем-

⁴⁰ Согласно этой системе взглядов, господствовавшей в императорском Китае, правитель Срединного государства распространял свое влияние в его пределах и за ними через благую силу «дэ» (德), которая способна была устанавливать гармонию в природе, в душах людей и в человеческом обществе. Под воздействием этой благой силы «варвары четырех сторон света» (四夷), которые только внешне являлись людьми, но на самом деле имели «звериную сущность», «преобразовывались душою» и добровольно являлись с «данью» ко двору Сына Неба. В отечественной синологии содержание этой концепции было детально исследовано А.С. Мартыновым. См. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной системе политических представлений. М.: Наука, 1975. С. 6–46. См. также: Гончаров С.Н. Доктрина государственной власти и политическая практика в средневековом Китае. О Китае средневековом и современном... С. 100–112; Гончаров С.Н. Две традиции в дипломатии императорского Китая. Там же. С. 113–142.

ли, пригодные для традиционного китайского земледелия и потому в принципе заслуживающие внимания с точки зрения их присоединения. Проблема состояла в том, что в этих регионах сменяли друг друга государственные образования, которые, не смотря на сильнейшее культурное влияние со стороны Поднебесной, готовы были до последнего отстаивать свою государственную независимость.

В принципе, очень перспективным могло стать северное направление экспансии, естественным пределом которого являлся Ледовитый океан. Проблемы с этим направлением состояли в том, что северные территории совершенно не подходили для земледельческого производства в китайском стиле. Не менее серьезной проблемой было то, что на Севере Китая приходилось постоянно противостоять давлению со стороны государственных или квазигосударственных образований северных народов, неизменно нацеленных на агрессию в отношении феноменально богатого Срединного государства.

3.4. Изгнание китайцами монголов и основание собственной империи Мин (1368) произошло почти одновременно с разгромом татаро-монгольских войск в ходе Куликовской битвы (1380).

Следующим и логичным шагом в «эмансипации» Руси от монгольского господства было взятие Казани в 1552 г. Путь для восточной экспансии России был открыт⁴¹.

3.5. Одним из весомых факторов, сделавших возможным успехи Руси, было то, что, как уже упоминалось выше, ей пришлось иметь дело с Золотой Ордой, давно оторванной от основной степной базы и раздираемой внутренними распрями. Ситуация в Китае была совершенно иной⁴².

3.6. Изгнанные из Срединной империи силы империи Юань во главе с ее последним императором Тоган Темуром бежали на Север. К своему удивлению, они обнаружили, что существенная часть монгольского плато оказалась занята западно-монгольским племенным конгломератом ойратов. Постепенно осознав, что не могут изгнать их военным путем, силы Тогон Темура вынуждены были расселиться на территории современной Внутренней Монголии.

Многочисленные военные походы императоров государства Мин в начале XV в. не привели к разгрому этих наследников династии Юань.

Как следует из данных современных исследований, почвы на территории Срединного государства в целом характеризуются дефицитом химического элемента

⁴¹ А.Т. Шашков указывает, что «всего лишь за двенадцать лет (с 1585 по 1596 г.) за Уральским хребтом появилось, не считая Верхтагильского городка, девять русских городков и острогов, при этом семь из них стали центрами уездов» [Шашков, с. 8–44]. Любопытно, что в фундаментальном труде академика В.С. Мясникова, посвященном формированию российско-китайской границы отмечается, что российские власти в конце XVI — начале XVII веков активизировали содействие сибирским землепроходцам и направление посольских миссий ко двору империи Цин в ответ на «попытки английской дипломатии добиться от московского правительства разрешения на организацию сухопутной английской экспедиции к верховьям Оби и права транзитной торговли английских купцов через Сибирь со странами Востока». См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений // Кастальский ключ китаеведа: сочинения в семи томах. Т. 3. М.: Наука, 2014. С. 45.

⁴² Последующее изложение основывается на: Elvesskrog J. (2017). The Tumu Incident and the Chinggisid Legacy in Inner Asia. The Silk Road. Vol. 15. P. 142–152.

селен, который, как выясняется, необходим для выращивания боевых коней. В силу этого империя Мин вынуждена была приобретать у монголов до двух миллионов лошадей ежегодно. Минские дипломаты стремились изобретать всевозможные методы для того, чтобы не покупать коней у потомков юаньских императоров, дабы не поддерживать этих главных противников экономически.

С этой целью они пытались наладить закупки лошадей у другой монгольской племенной группы, которая контролировала оазис Хами. Когда эти попытки провалились, правители Мин, следуя стародавней мудрости, постарались завязать торговые и союзнические отношения с ойратами, которые находились в тылу у потомков императоров Юань и постоянно враждовали с ними. Это привело к быстрому усилению ойратов.

Как утверждают современные специалисты по климатическим проблемам, с 1447 г. и по 1450 г. в северном Китае наблюдалось серьезное падение температуры и прогрессирующая засуха. Из-за серьезных неурожаев китайские власти не смогли мобилизовать необходимые ресурсы для ежегодной ярмарки по приобретению лошадей⁴³. В результате в 1449 г. правитель ойратов Эсен тайши с двух направлений вторгся в Срединную империю в районе Великой стены, примерно в 100 километрах от Пекина и в районе небольшого укрепленного пункта Туму нанес совершенно катастрофическое поражение 500-тысячной армии империи Мин.

Император Чжу Цичжэнь (朱祁镇, 1427–1464, храмовое имя Ин-цзун 英宗) был взят ойратами в плен.

Судя по всему, империя Мин так и не смогла оправиться от этого удара. После разгрома при Туму были прекращены походы против северных народов, Срединное государство перешло в «глухую оборону». После смерти в 1435 году великого мореплавателя Чжэн Хэ так и не были продолжены его экспедиции в Южные моря. Многие исследователи считают, что такой «уход в себя» лишил империю уникального шанса на то, чтобы еще более активизировать внешние торговые и культурные связи.

Это неизбежно стимулировало бы технологический прогресс и способно было на долгое время закрепить за Поднебесной роль мирового лидера. На этой развилке судьбы события вынудили правителей Мин предпочесть иной путь.

Триумф при Туму не принес величия и могущества ойратам. Вскоре после этого они потерпели поражение от «юаньских» монголов. Последние в свою очередь в первой половине XVII в. неоднократно были биты маньчжурами — новыми игроками, которые появились на северных рубежах Срединной империи. Именно этот этнос стал самым мощным в данном регионе, и только он способен был преградить путь русским отрядам, которые неумолимо приближались к китайским рубежам, продвигаясь от Урала на Восток.

3.7. Захватившие Китай в 1644 г. маньчжуры были потомками чжурчжэней и первоначально именовали свое государство «Золотым» («Цзинь» по-китайски) перенимая это наименование у предков. Нет никаких сомнений в том, что маньчжуры самым тщательным образом изучали опыт своих предшественников. В каком-то смысле их собственная практика управления явилась синтезом и развитием опыта всех

⁴³ Qing Pei (2016). Conquest of Beijing: Hidden Contribution of Climate Change to the Tumu Crisis, 1449–1450. Arcadia: Environment & Society Portal. No. 12 (Autumn).

северных народов, которые когда-либо устанавливали свое господство на всей территории Среднего государства или на *его* части.

Как мы помним, в период «16 государств» и Северной Вэй северные соседи Китая сознательно проводили политику китаизации, отказывались от собственной культуры и обычаев. Растворение в китайской культурной среде не обеспечило никакой из этих народностей создание эффективных и живучих государственных образований.

Государства Ляо и Цзинь извлекли из этого уроки. Сохраняя китайскую культуру и обычаи, они стремились не допустить утраты собственной идентичности, развивая, например, письменность, совершенно отличную от китайской. Путем внедрения дуалистической системы управления они старались сохранить боеспособность собственных войск. Такие методы оказались недостаточно действенными для того, чтобы справиться с монгольской военной машиной.

У монголов в первый период их правления имелись сторонники полного уничтожения китайского этноса и «превращения полей в пастбища». Монголы в целом позаимствовали китайские методы управления населением, однако не смогли создать унифицированную централизованную государственную машину по китайскому образцу, внедряя в Китае свою систему наделов.

Очень важным моментом было то, что монголы покинули свою изначальную столицу, оторвались от степной базы и разместили гарнизоны в гуще китайского населения. Это привело к деградации монгольских вооруженных сил⁴⁴.

Разрабатывая собственную политику, маньчжуры попытались не повторять ошибок своих предшественников. Это выразилось в следующих трех основных особенностях их собственной политики.

3.8. Первыми из «северных варваров» маньчжуры попытались навязать китайскому населению некоторые существенные элементы собственной бытовой культуры. Как известно, они стали, под угрозой суровых наказаний (вплоть до смертной казни) заставлять мужское население Китая высоко выбривать волосы на лбу и заплетать косу (прическа, принятая у маньчжуров), а также носить одежду маньчжурского фасона.

Кампания по внедрению этих мер сопровождалась массовым насилием и смертными казнями, которые приходилось применять к «отказникам». Эти меры, задумывавшиеся как зримый «тест на лояльность», стали причинами тотальной ненависти ханьского населения в отношении маньчжуров⁴⁵.

⁴⁴ «Как только Китай был захвачен, монгольские гарнизонные войска должны были обеспечивать свое существование за счет собственного сельскохозяйственного производства и за счет труда своих рабов на обезлюдивших землях Северного Китая, которые были им выделены в качестве наделов. Боеспособность наследственных военных семей монголов очень быстро упала. Монгольские военные командиры образовали сегрегированную наследственную касту замкнутой в себе самой аристократии, которая получала содержание — и представляли собой высший слой имперской военной бюрократии — но в целом происходило обнищание монгольских воинов в Китае. Они брали в жены китайских женщин, однако многие из них утрачивали свои земли и доходили до того, что продавали свои семьи или убегали, превращаясь в бродяг. Выяснилось, что быть наследственным воином в мирные времена — это несчастье». Fairbank J.K., Goldman M. China: A New History. 2nd enlarged ed. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. P. 122.

⁴⁵ Rhoads E.J.M. (2006). Manchus and Han: Ethnic Relations and Political Power in Late Qing and Early Republican China, 1861–1928. Seattle: University of Washington Press. P. 15–16.

3.9. Маньчжуры усвоили опыт предшественников и ввели особую систему управления для собственных войск. Они состояли из трех «комплектов» вооруженных сил, каждый из которых формировался по этническому признаку (маньчжуры, монголы, ханьцы) и состоял из восьми «знамен» (корпусов). Эти подразделения были дислоцированы по всей территории страны. Каждое из «восьми знамен» делилось на более узкие категории. Отличие от периода Юань состояло в том, что эти кадровые войска получали жалование⁴⁶, а не жили исключительно за счет выделенных им участков земли.

3.10. Еще одним важным уроком, который был извлечен маньчжурами из монгольского опыта, был вывод о том, что нельзя размещать войска в гуще многочисленного ханьского населения, что необходимо создавать условия для их изолированного от местного населения обитания. В результате по всей стране цинские гарнизоны были размещены в специальных «маньчжурских городах», отделенных стенами от частей городов, где проживало ханьское население. Плотность населения в таких городах была в разы меньше, чем в ханьских кварталах, и они занимали 20–30% общих городских площадей⁴⁷.

3.11. Следующий очень и очень важный, сделанный маньчжурами, вывод состоял в том, что северные народы, захватывающие Китай, ни в коем случае не должны отрывать от собственной географической родины.

Цинские власти приняли решение о том, чтобы создать на территории нынешних провинций Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь и восточной части Автономного района Внутренняя Монголия своеобразный заповедник, на территорию которого запрещалась миграция ханьского населения из «внутренних» китайских провинций, где не разрешалось заниматься сельским хозяйством, строить дороги и поселения. В этом районе должны были проживать маньчжуры, сохраняющие в первозданной чистоте свои обычаи и интенсивно занимающиеся военным делом.

Со временем этот район отделили от «внутренних» районов охраняемой оградой, которая именовалась «Ивовым палисадом». Первый миграционный запрет был издан в 1668 г. Отменять ограничения постепенно стали только начиная с 1860 г.⁴⁸

3.12. Такое трепетное внимание к защите колыбели своего народа объясняет, почему маньчжуры сочли величайшей угрозой собственной безопасности основание русскими казаками Албазинского острога, находившегося на дальних подступах к «малой родине» маньчжуров. После целого ряда ожесточенных боев, русские силы, существенно уступавшие маньчжурам и по численности, и по вооруженности, потерпели поражение. В результате состоявшихся переговоров был заключен Нерчинский мирный договор (1689), впервые установивший разграничение между Россией и Китаем. Главным стратегическим итогом подписания этого договора стало то, что на

⁴⁶ В войсках могло состоять также определенное количество воинов, которые не получали содержания, поскольку не прошли соответствующий отбор (фактически — экзамен) [Ibid, p. 33)].

⁴⁷ Ibid., p. 37–41.

⁴⁸ Liu Ping 刘平. “Chuang guandong”: Qingdai yilai de Dongbei yimin 闯关东”: 清代以来的东北移民 [“Chuang Guandong”: Northeast Migration since the Qing]. Guojia Qingshi zuanxiu gongcheng 国家清史纂修工程 Zhonghua wenshi wang 中华文史网 [National Qing History Compilation Project China Literature & History Portal].

достаточно продолжительное время была остановлена русская экспансия в Восточном направлении⁴⁹.

3.13. Торговля между российскими и цинскими купцами развернулась вскоре *после* подписания в 1727 г. Кяхтинского договора. На границе с российской стороны был построен торговый город Кяхта, а с китайской — Маймайчэн⁵⁰. Вскоре торговый оборот принял огромные масштабы⁵¹. Достаточно сказать, что в 1775 г. пошлины от купцов, торговавших в Кяхте, составили 68,5% всех таможенных поступлений в бюджет Российской империи.

3.14. С китайской стороны основным предметом экспорта стал чай. Его продажа, несомненно, была выгодной для китайской стороны, серьезно стимулировала экономическое развитие⁵². Основную выгоду от этого получали южные провинции Китая, где выращивали, обрабатывали и паковали чай, населенные пункты, находившиеся вдоль «великого чайного пути», а также предприимчивые купцы и банкиры (в основ-

⁴⁹ «Нерчинский договор 27 августа 1689 г.» // Бакрадце Д.З. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. М.: Книга по требованию, 2013. С.1–6 (Тексты на русском и латинском языках), с. 6–10 — текст на маньчжурском языке. Эта книга является репринтной копией «Сборника договоров», изданного российским МИД в 1889 году. См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили... С. 98–127. Как известно, после захвата Албазинского острога маньчжуры отвезли в Пекин группу плененных казаков, к которым впоследствии присоединился православный священник. Поскольку это были отменные вояки, которые не владели местными языками и потому никак не могли участвовать в придворных интригах, их определили в императорскую гвардию. Им были пожалованы земли внутри пекинской городской стены у ворот Дунчжимэнь (东直门). Впоследствии там была создана православная духовная миссия. Потомки этих казаков, именующие себя «албазинцами», до 1955 г. проживали на территории духовной миссии или по соседству с ней. Вплоть до наших времен они сохранили сознание собственной идентичности и православную веру [Becker J. (2002). Christmas Worth Half-Century Waiting. The Red Guards Have Gone, but an Obstinate Bureaucracy Continues to Thwart China's Russian Orthodox Believers in their Bid to Keep the Faith Alive. South China Morning Post. January 9.]. С 1958 г. там располагается Посольство Советского Союза в КНР (теперь — российское посольство). Там имеется великолепный парк с каналами и прудами. Автору довелось прожить там с семьей почти 10 лет. Горжусь тем, что смог многое сделать для благоустройства этой территории. Также любопытно, что Албазинский острог находится всего в 88 км от Сковородино. Это — точка на Транссибирской железной дороге, наиболее близкая к российско-китайской границе. Именно в Сковородино от нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» отходит ответвление трубопровода на Китай длиной 64 километра 500 метров. Автору довелось принимать участие в многолетних переговорах по этому нефтепроводу с китайскими партнерами.

⁵⁰ Кяхтинский трактат от 21 октября 1727 г. / Бакрадце Д.З. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. М., 2013. С. 50–74. (Текст на русском языке); Маньчжурский текст Кяхтинского договора от 21 октября 1727 г. // Там же. С. 61–92.

⁵¹ Отличное описание всего спектра вопросов, связанных с Кяхтинской торговлей, содержится в брошюре — Носков И.А. Кяхта. Иркутск: Типография Штаба войск, 1861.

⁵² Китайские купцы, осуществлявшие торговлю в Кяхте, в основном происходили из провинции Шаньси (晋商). В этой провинции находится замечательный город Пинъю (平遥) — один из немногих китайских городов, сохранивших средневековый архитектурный облик. Через Пинъю проходил в Кяхту «чайный путь». Именно там расположено помещение первого в Китае банка, который обслуживал чайную торговлю. В 2019 г. Пинъю стал городом-побратимом российской Кяхты. Примерно в 150 километрах от Пекина расположена деревня «Чуаньдися», которая является значимым памятником старой культуры. Это один из немногих транспортных «хабов», которые остались на «Великом северном чайном пути». Около этой деревни сохранился приличный кусок мощеной дороги, который имел конечным пунктом Маймайчэн и Кяхту.

ном из провинции Шаньси), которые организовывали и осуществляли торговые операции.

3.15. Принципиально важно то, что основным экспортным товаром с российской стороны была пушнина и другие товары таежного промысла. Это создавало огромные стимулы для развития сибирской экономики и привлекало на земли к востоку от Урала значительное количество работающих и предприимчивых людей. Не меньшее значение имел транспортный бизнес на территории Сибири, который тащил за собой развитие целого спектра хозяйственных отраслей.

Таким образом, сама по себе кяхтинская торговля служила мощнейшим стимулом для освоения сибирских земель. Период, когда Нерчинский договор не давал возможности российскому миграционному потоку продвигаться далее на Восток, был временем накопления потенциала, который должен был раскрыться сразу после исчезновения политических препятствий для его реализации. Примечательно, что китайская сторона через свое участие в этой торговле фактически финансировала формирование подобного потенциала.

3.16. Чайный экспорт также стал основным видом торговли империи Цин с Британской империей. Масштабы ее по тем временам также были огромными. В отличие от Кяхтинской торговли с Россией эта торговля не была сбалансированной, и британцам приходилось отправлять в Срединную империю значительные объемы серебра. В самом конце XVII в. британским двором была направлена к цинскому двору огромная делегация во главе с виконтом Маккарти (Маккартней). Целью ее было договориться об открытии Китая для британских купцов и британских товаров. Как всем хорошо известно, на все эти предложения китайская сторона ответила высокомерным отказом в «мироустроительном духе».

Британцы стали искать иные способы сбалансировать торговлю и в итоге в беспрецедентных масштабах развернули поставки опиума в Китай. В результате наркомания стала для Срединного государства серьезной проблемой. На запрет поставок со стороны цинских властей Великобритания ответила применением вооруженной силы. В результате состоявшихся в XIX в. двух вооруженных конфликтов китайские войска были наголову разбиты. Империя Цин вынуждена была подписать с зарубежными странами целый ряд договоров, в которых устанавливались привилегии для деятельности зарубежных купцов, открывался для торговли целый ряд китайских портов, в которых появились селтльменты — территории, на которых судебная власть осуществлялась иностранными консулами и фактически не действовало китайское законодательство. Как уже отмечалось выше, в китайской дипломатии и в общественном мнении утвердилась оценка этих договоров как «неравноправных».

3.17. Россия использовала сложившуюся ситуацию для того, чтобы продолжить восточную экспансию, сломав ограничения, накладываемые Нерчинским договором (как мы помним, материальные основы для стимулирования массовой миграции были в существенной степени созданы Кяхтинской торговлей). Ранее мы упомянули о введении Цин запрета на миграцию в Северо-Восточный Китай. Говоря о последствиях этого запрета, американский автор отмечает: «На самом деле, именно успех Цин в недопущении ханьцев в самые северные регионы Маньчжурии позволил русским в 1860 году легко пройти обширную территорию к северу от Амура и к востоку от

Уссури. Даже после того, как империя Цин стала разрешать миграцию китайцев в Северную Маньчжурию, чтобы предотвратить дальнейшие набеги русских, геополитический эффект от этого оказался ограниченным»⁵³.

В XIX в. стратегической целью такого российского продвижения на Восток стало скорейшее установление контроля над течением Амура от истоков до его впадения в океан. В противном случае, резонно полагали в Санкт-Петербурге, представители других иностранных держав (например, Японии, Соединенных Штатов или Великобритании) могли первыми выйти к устью Амура и двинуться далее вверх по течению. Используя имевшиеся у нее преимущественные исходные позиции, Россия сумела первой выйти в нижнее течение и к устью этой великой реки⁵⁴.

3.18. Завершение геополитического продвижения России к побережью Тихого Океана принципиальным образом изменило повестку дня российско-китайских отношений. Образовались новые узлы противоречий в трех ключевых регионах.

3.19. На Дальнем Востоке Россия построила Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), поставила под свой контроль Ляодунский полуостров, создала важнейший гражданский порт в Даляне и военный — в Порт-Артуре, стала распространять свое влияние на Корейский полуостров⁵⁵. Здесь ее интересы вошли в прямое противоречие со стратегическими планами Японии, индустриальная и военная мощь которой качественно возросла в результате осуществления «реформ эпохи Мэйдзи (1853–1889).

3.20. Российские интересы напрямую столкнулись с китайскими во Внешней Монголии. Согласно Ургинскому соглашению, подписанному 21 октября 1912 г., Россия признала автономию Внешней Монголии и получила там ряд привилегий. Китайская страна категорически возражала против этого⁵⁶.

⁵³ См.: Rhoads E.J.M. P. 41. Процесс постепенного территориального сближения между Российской империей и Средним государством в какой-то степени напоминал знаменитую «большую игру», которая развернулась между Россией и Великобританией в XIX в. В это время Британская империя стремилась противостоять продвижению России в Центральной Азии, опасаясь, что в итоге возникнет угроза ее колониальному господству в Индии (например, Hopkirk P. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London: John Murray, 2006). В течение всего этого столетия обе эти метрополии были весьма стабильными государственными образованиями, что позволяло поддерживать своеобразное «динамическое равновесие» между ними в регионе. Ситуация между Россией и Китаем развивалась совсем по-иному. Первый этап российской экспансии в регионах к востоку от Урала стал возможным благодаря «уходу в себя» империи Мин в результате поражения при Туму, а второй — в результате неудач империи Цин в двух «опиумных войнах» и проводимой маньчжурской политики пресечения китайской миграции в Северо-Восточном Китае.

⁵⁴ Мясников В.С. С. 250.

⁵⁵ См.: Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века). Минск: БГУ, 1999. С. 17–46; Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории. М.: Русская панорама, 2005. С. 47–80.

⁵⁶ Одним из оснований для стремления получить особые права во Внешней Монголии была история отношений этого региона с Россией: «Между тем Русское Правительство могло бы привести некоторые доводы в пользу своих суверенных прав над Верхним Енисеем. Как уже упоминалось раньше, еще в начале XVII тамошние племена являлись данниками Москвы и платили ясак Сибирским воеводам, а их правитель Алтын-хан принес Царю Алексею Михайловичу, поставив себя и управляемый ими край в вассальную зависимость от Москвы. Смерть Алтын-хана в 1657 году в связи с водворением на Амуре маньчжуров прервала даннические отношения урянхов и отвлекла

3.21. После целого ряда перипетий, российско-китайское разграничение в Центральной Азии было завершено Санкт-Петербургским договором от 12 февраля 1881 г.⁵⁷ Несмотря на это, в данном обширном регионе со сложнейшим этническим составом населения, богатой и чрезвычайно сложной историей, сохранялся огромный объем связанного с пограничными и национально-религиозными проблемами «горючего материала», который мог вспыхнуть в любой момент.

3.22. Как уже упоминалось ранее, еще в самый начальный период российского движения на Восток, британские политики и купцы проявляли повышенный интерес к тому, чтобы открыть и затем эксплуатировать новый сухопутный путь в Китай через Сибирь. Россия использовала тяжелую ситуацию, в которой Китай оказался в результате поражений в «опиумных войнах» для того, чтобы отбросить ограничения, накладываемые Нерчинским договором и ускоренными темпами двинуться к Тихому Океану. Она старалась ускорить это движение, опасаясь, что США, Великобритания или Япония первыми выйдут к устью Амура с моря.

После выхода России на тихоокеанские рубежи ее соперничество с западными державами и Японией приобрело качественно более серьезный характер. Китайский национальный лидер Чан Кайши видел данную ситуацию следующим образом: «В середине XIX века, когда державы Западной Европы стали стучаться в двери Китая вдоль его восточного побережья, царская Россия стала осуществлять вторжения в китайские Синьцзян, Монголию и Маньчжурию. Эти державы приобрели территории, которые они арендовали и получали в концессии.

После этого под защитой консульской юрисдикции и пользуясь контролируемыми ставками тарифов, они протянули свои политические и экономические щупальца во внутренние районы страны через концессии на строительство железных дорог и управление ими, а также через осуществление водных перевозок вдоль побережья Китая и по его внутренним рекам. Если бы Китай стали делить примерно в 1895 г.

внимание Москвы от бассейна реки Верхнего Енисея». См.: [Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики: краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени. Улан-Батор: Эгмэнт, 2004. С. 253–254]. Российские представители подчеркивали, что такое признание автономии Внешней Монголии не подрывает территориальной целостности Китая, поскольку Россия признает суверенитет Китая над этой территорией и не соглашается с предложениями монгольской стороны о включении Внутренней Монголии в состав Внешней [Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики... С. 223–225]. Китайская сторона придерживалась следующей позиции: «Три условия, выдвинутые Россией, были следующими: признать автономии Внешней Монголии, вывести войска из Внешней Монголии, отменить правила миграции населения во Внешнюю Монголию. Российская позиция была чрезвычайно жесткой и состояла в том, что, если китайская сторона не уступит, то переговоры проводить невозможно. Поэтому переговоры зависли. Впоследствии, из-за провокаций русских в Урге, Внешняя Монголия при помощи и поддержке со стороны русских вынудила нашего главного администратора в Урге и расквартированные там войска покинуть территорию, совершенно таким же образом как тибетцы в Лхасе, получив поддержку британцев, дислоцированных в Индии, выгнать нашего размещенного там администратора и охранявшие его войска». См.: Gu Weijun 顾维钧. (1997). Huiyilu suobian 回忆录缩编 [Memoirs (Abridged)] / Tianjin Fanyi Zhongxin bian 天津编译中心编 [comp. by Tianjin Translation & Editing Center]. Beijing 北京: Zhonghua shuju 中华书局 [Zhonghua Book Company]. Vol. 1. P. 29.

⁵⁷ Договор, заключенный в Санкт-Петербурге 12 (24) февраля 1881 г. // Бакрадзе Д.З. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. М., 2013. С. 225–237 (текст на русском и французском языках); Мясников В.С. Договорными статьями утвердили, с. 274–277.

(китайско-японская война — С.Г.), то царская Россия получила бы территории к северу от реки Хуанхэ, которые составляют 40% от общей китайской территории. Однако же начиная с 1900 г., США выступали против раздела Китая, за политику открытых дверей. Это позволило Китаю сохранить номинальную независимость»⁵⁸. Здесь китайский генералиссимус несколько преувеличивает масштабы «аппетитов» царской России и роль американской политики «открытых дверей» в ограничении таких аппетитов. Вместе с тем он прав в главном — борьба держав за реализацию своих интересов в Китае в конечном счете явилась главным фактором, спасшим эту страну от территориального расчленения.

3.23. Интернациональный характер происходивших тогда в Китае столкновений между различными державами приводил порою к совершенно неожиданным и предельно серьезным результатам, имевшим прямое отношение к российским коренным интересам. Так, например, после поражения, которое Китай потерпел в войне с Японией в 1894–1895 гг., 17 апреля 1895 г. был подписан крайне тяжелый для него Симоносекский договор (马关条约) — согласно ему империя Цин, в частности, уступала Японии Ляодунский полуостров. Эта ситуация привлекла напряженное внимание Германии, которая чувствовала себя обойденной при глобальном дележе колониальных владений.

Она заручилась поддержкой России, которая была заинтересована в сооружении на Ляодунском полуострове незамерзающих портов, призванных стать морскими терминалами на сооружаемой ею железной дороге. При этом Германия также руководствовалась стратегической линией канцлера Бисмарка, стремившегося в максимальной степени отвлечь внимание России от экспансии на Балканах на другие стратегические направления, желательно максимально удаленные от Европы. К двум державам присоединилась Франция, которая стремилась доказать России свою лояльность в рамках недавно оформленного двумя странами военно-политического союза (Антанта).

В итоге 23 апреля 1895 г., всего через 6 дней после подписания Симоносекского договора, японское министерство иностранных дел в Токио по очереди посетили представители России, Франции и Германии. Каждый из них предъявил требование аннулировать передачу Китаем Ляодунского полуострова Японии. Самое тяжелое впечатление произвело на японцев обращение со стороны германского посланника барона Отто фон Гудшмида.

Первая причина состояла в том, что это означало неожиданный для Токио отказ Германии от проводимой до этого политики «дружественного нейтралитета». Вторая причина заключалась в том, что германский представитель в крайне жестком тоне сообщил японскому министру иностранных дел Хаяси, что в случае отказа Японии

⁵⁸ Chiang Chung-cheng (Chiang Kai-shek). (1957). *Soviet Russia in China: A Summing Up at Seventy*. New York: Farrar, Straus and Cudahy. P. 12. При чтении этой книги, конечно же, нужно постоянно помнить о том, что это попытка объяснения и оправдания в связи с колоссальным стратегическим поражением, которое Чан Кайши потерпел в борьбе за Китай. Эта книга также является крайне предвзятой и резко враждебной в отношении Советского Союза. При всем при том, она содержит немало исключительно ценных признаний китайского лидера, которые позволяют понять многие скрытые механизмы, приводившие в действие происходившие тогда процессы.

от выполнения этого требования три державы применяют силу и что у Японии нет никаких шансов выстоять в противостоянии с объединенной мощью России, Германии и Франции. На следующий день на совещании у японского императора было принято решение выполнить требование, выдвинутое в ходе «тройственной интервенции»⁵⁹.

3.24. Дальнейшее развитие событий очень ярко описано в воспоминаниях русского дипломата Ю.Я. Соловьева⁶⁰. Как известно, в 1896 г. в Россию для участия в церемонии коронации императора Николая II отбыл Ли Хунчжан — самый влиятельный сановник империи Цин. В Москве с ним подписали секретный договор о Китайской Восточной железной дороге. Согласие на это со стороны Китая рассматривалось как благодарность за роль России в организации «трехсторонней интервенции». В августе 1897 г. между Россией и Германией (еще одним участником этой «дипломатической интервенции») было достигнуто соглашение о признании преимущественных интересов Германии в Цзяочжоу (район современного Циндао).

В ноябре 1897 г., воспользовавшись как предлогом убийством двух германских миссионеров, Германия оккупировала Цзяочжоу. В 1898 г. китайское правительство вынуждено было подписать договор, в соответствии с которым Цзяочжоу передавался Германии в аренду на 99 лет. В 1899 г. в Цзяочжоу был открыт порт Циндао. Практически одновременно с этим Россия добила от Китая согласия на аренду Ляодунского полуострова на срок 25 лет. При этом она опередила Великобританию, занятую войной с бурами, в попытках утвердиться в этом районе.

На Ляодунском полуострове Россия активно развивала военно-морскую базу Порт-Артур (Люйшунькоу) и торговый порт Дальний (Даляньвань). Существовала своеобразная конкуренция между двумя этими проектами. Первый из них был детищем военного министра А.Н. Куропаткина и явно недофинансировался, что сказалось на его готовности к грядущим боевым действиям с Японией. Второй проект курировал министр финансов С.Ю. Витте. Этот объект получал все необходимые средства и развивался очень динамично. Вскоре после начала войны Далянь был захвачен Японией и стал для нее очень удобной базой для действий против Порт-Артура.

После начала первой мировой войны Япония, присоединившаяся к державам Антанты, потребовала от Германии передать ей этот полученный в аренду район Цзяочжоу — Циндао. Не получив никакого ответа, Япония объявила Германии войну и захватила город Циндао 7 ноября 1914 г., взяв в плен значительное число немецких военнослужащих. Китай также присоединился в коалиции противников Германии. После ее капитуляции, во время Версальской мирной конференции весной 1919 г., Пекин потребовал, чтобы Япония вернула ему все права на район Цзяочжоу — Циндао⁶¹.

3.25. В Японии появление постоянного российского военного присутствия вблизи своих берегов сочли угрозой безопасности. К выступлению против России подталкивали Японию США и Великобритания, расценивавшие российскую политику в

⁵⁹ Ikle F.W. (1967). The Triple Intervention: Japan's Lesson in the Diplomacy of Imperialism. *Monumenta Nipponica*. Vol. 22. No. 1/2. P. 112–130.

⁶⁰ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата (1893–1922). Сер.: Библиотека внешней политики. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 67–81.

⁶¹ Nish I. (1990). An Overview of Relations between China and Japan, 1895–1945. *The China Quarterly*. No. 124 (Dec.) — *China and Japan: History, Trends and Prospects*. P. 607; 609–610.

Маньчжурии как препятствие на пути осуществления «политики открытых дверей» в Китае. Кроме того, немаловажное и самостоятельное значение имело стремление Токио отомстить России за ее активное участие в «трехсторонней интервенции».

В Японии эту уступку, на которую пришлось пойти в результате этого дипломатического демарша, считали величайшим национальным позором и именно в таком контексте упомянули об этом, когда пришлось пойти на еще большее национальное унижение — «трехсторонняя интервенция» была отмечена в обнародованном 14 августа 1945 г. указе императора Хирохито о капитуляции⁶². Все эти факторы в совокупности привели к вспышке российско-японской войны 1904–1905 гг. В результате поражения в этой войне Россия вынуждена была признать преимущественное влияние Японии в Корее, вывести войска из Маньчжурии, передать Японии право аренды Порт-Артура и большую часть участка железной дороги от Харбина до Порт-Артура, а также передать ей южную часть острова Сахалин⁶³.

3.26. Общеизвестно, что данное поражение явилось одним из «бикфордовых шнуров», вызвавших российскую революцию 1905 г.⁶⁴. Эта революция, в свою очередь, катализировала социальные и политические процессы, сыгравшие огромную роль в подготовке условий для Октябрьской революции 1917 г., вызвавшей коренные перемены в России, во всем мире и в отношениях между Россией/Советским Союзом и Китаем.

3.27. Таким образом завершился третий случай «стратегического взаимного влияния» между Россией и Китаем. На сей раз взаимодействие носило непосредственный и очень плотный характер, и Россия впервые сыграла в нем инициативную роль. В том, каким образом проходила и завершилась эта геополитическая эпопея, сказалось влияние целого ряда глубинных процессов, коренившихся в истории двух стран, их взаимоотношений с «северными соседями» Срединной империи. В дальнейшем наличие общей границы между Россией и Китаем стало наиболее фундаментальным фактором, определяющим характер их отношений.

4. Распространение в Китае марксизма-ленинизма

4.1. В конце 70-х — начале 80-х гг. зарубежные наблюдатели были очень удивлены тем, сколь стремительно огромное число рядовых китайских граждан, которые

⁶² Ikle F., 1967, p. 122.

⁶³ Esthus R.A. (1981). Nicholas II and the Russo–Japanese War. The Russian Review. Vol. 40. No. 4 (Oct.). P. 407–411.

⁶⁴ Ярким свидетельством этого являются следующие, например, тезисы из написанной в январе 1905 года статьи И.В. Сталина: «Рдеют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур, — и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия... Пора отомстить!... Пора потребовать от него (царского правительства — С.Г.) отчета за тех ни в чем не повинных несчастных, которые десятками тысяч погибли на полях Дальнего Востока! Пора осушить слезы их жен и детей! Пора потребовать от него ответа за те страдания и унижения, за те, позорящие людей цепи, в которые оно с давних времен заковало нас! Пора покончить с царским правительством и расчистить себе путь к социалистическим порядкам! Пора разрушить царское правительство! И мы разрушим его». См. И.В. Сталин, «Рабочие Кавказа, пора отомстить!» в: Сталин И.В. Сочинения», том 1, 1901–1907, ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, Москва, 1946, с. 74, 76.

в течение предшествующих десяти лет подряд скандировали самые радикальные «левацкие» лозунги периода «культурной революции», усвоило предпринимательский образ мышления и уверенно пустилось в плавание по океану рыночной стихии. На самом деле это, судя по всему, было всего лишь еще одним проявлением того, как, в периоды исторических надломов и кризисов (в этом случае речь шла о банкротстве и кризисе «левацкой» идейной системы периода «культурной революции») китайская нация проявляет удивительное умение стремительно и массово усваивать совершенно новые для нее идеологии и верования, способные стать руководством к действию для преодоления невиданных ранее вызовов и трудностей⁶⁵.

4.2. Пожалуй, первый хорошо документированный пример такого рода связан с проникновением буддизма в Китай из Индии, которое началось в I–II вв. нашей эры. К IV в. н.э. это новое для Китая верование получило в стране огромное распространение. То был период социальной и политической нестабильности, раздробленности и смут, наступивший после падения империи Хань.

Традиционные китайские религиозно-политические системы (имперская идеология, в основе которой лежал синтез конфуцианства и легизма, а также даосизм) оказались неспособными предотвратить возникновение кризиса и это создало благоприятную основу для быстрой экспансии буддизма⁶⁶. В процессе проникновения в Китай происходила глубокая китаизация этого вероучения. В конечном счете сложилось так, что буддизм по сей день сохраняет сильные позиции в Китае, однако захирел на своей ис-

⁶⁵ В традиционной китайской идеологии образ императора (Сына Неба) был неразрывно слит с образом верховного божества. Возможно, поэтому Китай не стал колыбелью какой-либо самобытной монотеистической религии, отдельной от «небесного культа». Если Небо в системе китайских взглядов никогда не совершало ошибок, то это совсем не означало, что столь же безупречными являлись многочисленные мелкие божки, отнюдь не являвшиеся представителями Неба на Земле, но занимавшиеся каждый своим узко специализированным бизнесом. Коллективно эти «специализированные божества» напоминали многоотраслевую чиновничью структуру, в которой глава каждого из многочисленных департаментов отвечал за весьма специфическую сферу человеческой жизни и деятельности, например за справедливый суд, за здоровье домашних животных, за женские выкидыши, за благодеяния или же за тех, кто занимается клеветой, воровством или отравительством. Такая система взглядов блестяще отражена в пекинском храме Дунъюэмяо (东岳庙) на улице Чаоянмэнъвай совсем недалеко от новых зданий МИД КНР и штаб-квартиры огромной нефтегазовой компании «Синопек». Любой посетитель может обратиться к конкретному божеству в рамках специализации последнего с вполне конкретными просьбами. В рамках такого прагматичного подхода можно было принять любое новое верование, обеспечивающее удовлетворение насущных потребностей, предварительно адаптировав его в согласии с базовыми ценностями китайской идеологии — признание уникальной центральной роли Неба и его земного представителя. Именно поэтому буддизм прижился в Китае неизмеримо легче, чем христианство, которое могло стать господствующей идеологией либо сместив с пьедестала верховную роль Неба, что невозможно в рамках китайской цивилизации, либо будущему подвергнуто радикальной китаизации в конфуцианском духе. Как будет упомянуто в последующем изложении, именно это попытались сделать, например, лидеры тайпинского восстания в XIX в. Вообще, лидеры крупнейших китайских крестьянских восстаний зачастую исповедовали какие-то простонародные культы в период, когда громили существующее государственное устройство. В случае прихода к власти все они неизменно принимали «небесную» систему взглядов.

⁶⁶ Wright A.F. (1957). Buddhism and the Chinese Culture: Phases of Interaction. The Journal of Asian Studies. Vol. 17. No. 1 (Nov.). P. 19–21.

торической родине, в Индии⁶⁷. Отметим по ходу дела, что сходная участь ожидала и марксизм-ленинизм, который по сей день является частью официальной идеологии в Китае, однако ныне представляет собой всего лишь одно из маргинальных течений мысли в Германии и в России.

4.3. Второй шанс на массовое восприятие в Китае зарубежной религии/идеологии возник в середине XIX в., когда лидеры мощнейшего тайпинского восстания изобрели своеобразную идейную систему, представлявшую собой достаточно причудливый коктейль из христианских и конфуцианских категорий. И в этом случае такое зарубежное идейное влияние возникло на фоне острейшего кризиса, когда традиционные идеологемы продемонстрировали полную неспособность дать отпор иностранной агрессии и противостоять катастрофической дезорганизации жизни внутри страны. Если бы тайпинское восстание победило и его лидеры стали основателями следующей династии, удостоившейся получения «мандата Неба», то очень может быть, что именно такое китаизированное христианство стало бы основой его государственной идеологии (которая ни в коем случае не противоречила бы «небесному культу»)⁶⁸. История, как известно, не знает сослагательных наклонений. Тайпинское восстание потерпело поражение, а вместе с ним — и эта своеобразная разновидность христианства. Следующее серьезное народное выступление в Китае, восстание ихэтуаней (义和团), носило ярко выраженный анти-иностраный и анти-христианский характер⁶⁹.

4.4. Председатель Мао говаривал, что марксизм-ленинизм был принесен в Китай залпами «Авроры»⁷⁰. На самом-то деле это очень точное и очень глубокое замечание.

⁶⁷ Существует связанная с этим сюжетом апокрифическая история следующего содержания. Во время своего визита в Китай (судя по всему, это было в 1959 г.) индийский премьер — министр Джавахарлал Неру посетил находящийся в районе Фаншань под Пекином буддистский монастырь Юньцзюйсы (云居寺 Монастырь, живущий в облаках) в сопровождении премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. Этот монастырь знаменит тем, что в пещерном храме на соседней с ним горе начиная с конца VI в. монахи вырезали на каменных стелах тексты сутр, привезенных из Индии и переведенных на китайский язык. После этого каменные стелы помещали на хранение в подземные палаты в монастыре. В 40-х гг. монастырь разбомбили японцы и одно из подземных хранилищ (самое большое) было практически полностью разрушено и утрачено. Его обнаружили только в 1956 г. Когда Неру увидел более 10 000 каменных плит с текстами буддистских каноников, он якобы предложил Чжоу Эньлаю выкупить их за количество золота, равное по весу каменным плитам. Китайский премьер, гласит предание, ответил на это категорическим отказом. Эта история важна тем, что позволяет понять, насколько в китайском массовом сознании закрепилось представление о том, что именно Китай является сейчас носителем и хранителем основной традиции учения Будды.

⁶⁸ В начальный период Тайпинского восстания среди миссионеров, работавших в Китае, достаточно популярной была точка зрения, согласно которой этот бунт вообще способен стать переломным моментом в истории человечества. Они полагали, что из-за ударов Тайпинов падет «величайшая языческая империя на Земле», Китай примет истинное христианство и после этого наступит триумф христианской религии во всем мире. См.: Littel J. (1928). B. *Missionaries and Politics in China: The Taiping Rebellion*. *Political Science Quarterly*. Vol. 43. No. 4 (Dec.). P. 569–570.

⁶⁹ В бытность автора советником — посланником российского Посольства в Пекине, по указанию нашего замечательного посла Игоря Алексеевича Рогачева на территории Посольства был установлен первый поминальный камень в честь 222 китайских христиан — новомучеников, убитых ихэтуанями в 1900 г.

⁷⁰ В 1984 г., когда автор впервые попал в Китай в качестве стажера факультета международной политики Пекинского университета, одним из самых почетных экспонатов Музея истории революции на площади Тяньаньмэнь была подаренная Н.С. Хрущевым гильза, оставшаяся после этого легендарного выстрела, произведенного легендарным крейсером.

Для тех людей, кто впоследствии руководил компартией Китая и в конечном счете привел ее к победе в исключительно тяжелой, кровопролитной и затяжной вооруженной борьбе, марксизм-ленинизм был отнюдь не только учением о закономерностях развития общества и о его коренном преобразовании. Молодые китайские революционеры рассматривали эту идеологию как эффективное практическое руководство к действию, позволившее российским коллегам путем применения ничем не ограниченного насилия, организовать свержение правящей царской верхушки, удержать власть, обеспечить контроль над обществом, экономикой и вооруженными силами⁷¹.

4.5. Существовала и более конкретная международная причина для того, чтобы многие молодые интеллектуалы в Китае разочаровались в идеях «буржуазного реформизма» и перешли в стан «большевиков-революционеров». После завершения Первой мировой войны Китай, вошедший в коалицию победителей, очень рассчитывал на исправление тех несправедливостей, которые он претерпел в предшествующий период.

В глобальном плане речь шла о ликвидации в перспективе всей системы «неравноправных договоров», навязанных ему державами в XIX в., а в более конкретном плане — о лишении Японии тех «особых прав» в провинции Шаньдун, кото-

⁷¹ Чан Кайши довольно точно охарактеризовал эту ситуацию: «Самым привлекательным аргументом российских коммунистов было обещание предоставить кратчайший путь к Утопии через всемирную революцию народных масс. Эта революция оправдывала собой все возможные методы насилия и подрывной деятельности исходя из той посылки, что, в момент, когда она будет реализована, будет создано вечное идеальное государство для всего человечества. Такой призыв производил эффект электрического разряда на прогрессивные элементы в азиатских странах, где вековое колониальное правление посеяло зерна глубоко укоренившегося недовольства и накапливавшегося инакомыслия. Таким образом российские коммунисты оказались способны использовать подобное состояние умов для того, чтобы запустить первый этап своей программы мировой революции в Азии...» [Jiang Chung-Cheng, p. 5]. В своей прекрасной книге о Мао Цзэдуне А.В. Панцов высказывает следующие, с моей точки зрения, очень точные, соображения: «Не романтика всеобщего равенства соблазнила его в коммунизме. Такого добра было достаточно и в анархизме Кропоткина. Его привлекали именно апология насилия, триумф воли, торжество силы... То, что импонировало в большевизме Мао Цзэдуну, привлекло к нему и других китайских революционеров — радикалов. Восхищаясь Октябрьской революцией, они воспринимали большевистский эксперимент практически без всякого критического осмысления». См. Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 137–138. Здесь нельзя не процитировать также маршала Чэнь И — одного из тех людей, которые после длительной и тяжелой вооруженной борьбы захватили власть в стране и создали Китайскую Народную Республику: «В молодости мы почитали Кунфуцзы, Ханя — князя слесености (韩文公, Хань Юй), Ван Янмина и других людей, преклонялись перед ними неимоверно. Если слышали о том, что кто-то подтирает задницу “Четверокнижием”, то стремились его избить. После Синьхайской революции возникли колебания, увидели, что реальная ситуация никак не совпадает с тем, что говорится в книгах, стали сомневаться в том, что «Небо породило народ и возвело для него правителя» (天生民而立之君), стали искать выход. Тогда стали почитать (Джорджа) Вашингтона, Линкольна, Наполеона, Ито Хидзабуро.... В идеологии обратились к капитализму, принялись изучать естественные науки, заниматься бизнесом, чтобы спасти государство. В это время неимоверно преклонялись перед газетами “Миньбао” и “Шиу бао”, перед Лян Цичао и Сунь Вэнем (Сунь Ятсеном). Впоследствии все равно уперлись в стену. Лишь тогда обнаружили марксизм-ленинизм, он был принесен в Китай только громом оружейных залпов Октябрьской революции». См.: Wang Junyan 王俊彦. Yuanshuai shiren waijiaojia Chen Yi 元帅·诗人·外交家 陈毅 [Chen Yi: Marshal, Poet, Diplomat]. Beijing 北京: Shijie zhishi chubanshe 世界知识出版社, [World Affairs Press]. P. 102.

рые она, как участник победившей коалиции, вырвала в период войны у Германии. Китайские интеллектуалы очень надеялись на реализацию прекраснотных идей президента США Вудро Вильсона о создании после мировой войны нового мирового справедливого международного порядка, в котором не будут ущемляться интересы слабых государств. Этим надеждам не суждено было сбыться. Версальская мирная конференция подтвердила права Японии в Шаньдуне. Китайская делегация отказалась подписывать итоговый мирный договор. Китайские интеллектуалы разочаровались в том, что западные либеральные идеи могут помочь решить проблемы Среднего государства⁷².

В Китае появилось антиимпериалистическое, патриотическое «движение 4 мая». В идеологии стали приобретать популярность постулаты большевизма, а во внешней политике — курс на сотрудничество с Советской Россией, которая, как и Китай, хоть и воевала на стороне победителей, оказалась недопущенной к использованию плодов победы.

За тысячу лет до этого, благодаря событиям, инициированным империей Хань, Русь восприняла православную версию христианства. В первой четверти XX в., благодаря событиям, происшедшим в России, Китай воспринял марксизм в его ленинской интерпретации. Значение этих двух тектонических сдвигов в мыслительной системе двух наций невозможно переоценить.

5. Российско-китайские отношения как пример взаимодействия цивилизаций: от «желтой опасности» до безвизового режима

5.1. Выход России, Японии, Соединенных Штатов, Великобритании и Германии в приморские районы Северного и Северо-Восточного Китая знаменовал собой возникновение нового узла геополитического взаимодействия и противостояния, который имел без преувеличения глобальное значение. Необходимо учитывать, что эта новая система противоречий описывалась и осознавалась современниками во многом через призму столкновения цивилизаций — для характеристики которых применялись этнические (расовые) или религиозные категории.

5.2. Как выясняется, без понимания и учета этого фактора очень трудно уяснить некоторые важнейшие аспекты и особенности истории международных отношений в этом регионе, а также процессы, которые протекали и продолжают протекать в современных российско-китайских отношениях.

5.3. После поражения России в войне с Японией предстояло урегулировать итоги противостояния вокруг Маньчжурского «геополитического узла». С.Ю. Витте, сумевший добиться подписания Портсмутского мирного договора (23 августа (5 сентября) 1905 г.) с Японией на относительно выгодных для России условиях⁷³, указы-

⁷² Horne J. (2018). The New World Order, Post-1918. History Ireland. Vol. 26. No. 6 (Nov.–Dec.). P. 28–31.

⁷³ Ему удалось избежать выплат Россией контрибуции Японии.

вал, что такого неплохого результата он смог достичь в результате достаточно циничного использования расово-религиозной карты. Ему удалось мобилизовать на поддержку России общественное мнение в США, Великобритании и других странах утверждениями о том, что конфликт между Россией и Японией является столкновением между белой и желтой расами, между христианами и язычниками⁷⁴.

Популярность такого рода настроений очень беспокоила Сунь Ятсена. В конце XIX в., находясь в США, он написал брошюру «Призыв к американскому народу». В ней он полемизировал с «теорией желтой опасности», согласно которой ни в коем случае нельзя содействовать усилению Китая, поскольку, если эта страна «встанет на ноги», то в силу национального характера китайцев будет представлять угрозу для безопасности всего мира. Сунь Ятсен доказывал, что китайцы — нормальные трудолюбивые и добропорядочные люди, что, если дать им возможность создать богатое и процветающее государство, они гармонично впишутся в «семью наций». Эта брошюра, которую должны были раздавать общественным и политическим деятелям США, судя по всему, не вызвала у них никакого отклика⁷⁵.

Вероятно, именно в связи с невозможностью «по-хорошему» «достучаться» до разума и сердец американцев и европейцев, Сунь Ятсен пошел другим путем. Начиная по крайней мере с 1898 г. он стал активно обсуждать со своими японскими друзьями различные варианты «паназиятских» теорий. Суть этих построений состояла в том, что в Азии фактически идет война между желтой и белой расами. Желтая раса должна объединиться, изгнать европейцев из Азии и править там в соответствии с нормами, вытекающими из древней азиатской культуры, которая по своему гуманизму безусловно превосходит культуру европейскую⁷⁶.

За несколько месяцев до своей смерти, 28 ноября 1924 г., Сунь Ятсен очень подробно изложил свое понимание паназиятской теории во время выступления перед представителями китайских торговых организаций японского города Кобэ⁷⁷. Для целей нашего повествования существенно то, что в этом программном выступлении лидер китайской революции подробно развил мысль о всемирно-историческом, эпохальном значении победы Японии в войне с Россией в 1905 г., поскольку этот успех, по его мнению, явился переломным моментом в глобальном противостоянии между желтой и белой расами. Вместе с тем Сунь Ятсен сообщил, что недавно в Европе появились представители белой расы, на которых другие белые смотрят, как на изгоев или диких зверей. Это русские, которые, совершив Октябрьскую революцию, встали на путь трансформации из реакционной белой расы в прогрессивную желтую.

5.4. История взаимоотношений «северных варваров» с Китаем, в том числе такие ее болезненные эпизоды, как создание киданями и чжурчжэнями марионеточных

⁷⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары. Т. 1. М.; Минск: Харвест, 2002. С. 510–517.

⁷⁵ Крюков В.М.; Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен: штрихи к портрету // Научные записки Отдела Китая. Вып. 46. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. Т. I: С. 170–171.

⁷⁶ Там же, с. 125, 380–381. Том II, с. 314. Сунь Ятсен, как известно, приветствовал победу Японии над Россией. Его высказывания на сей счет выставлены на видном месте в пресловутом храме Ясукуни в Токио.

⁷⁷ Там же, том II, с. 486–496.

государств на территории Китая, стало важным эпизодом отечественной истории, который никогда не исчезал из сознания политически активных представителей китайской интеллигенции. Ярким свидетельством этому является упоминание об этом в одном из самых ранних произведений Мао Цзэдуна⁷⁸.

Эта тема пользовалась повышенным вниманием и в Японии. Там подобное внимание имело весьма злобещий для Китая характер.

В 30-40-х гг. XX в. такие выдающиеся японские китаеведы, как Тояма Гундзи (外山军治), Миками Цугио (三山次男) и другие, углубленно изучали киданьский и чжурчжэньский опыт управления завоеванным Китаем и издали фундаментальные труды, посвященные этой теме, которые не утратили научного значения вплоть до сегодняшнего дня. Японцы не скрывали того, что использовали этот средневековый опыт в процессе создания марионеточного государства Маньчжоу-го (1931–1945 гг.)⁷⁹, имевшего, кстати говоря, вполне нормальные рабочие отношения с Советским Союзом⁸⁰. Как известно, 30 марта 1940 г. под эгидой Японии было организовано марионеточное «центральное правительство Китая» со столицей в Нанкине во главе с Ван Цзинвэем, ранее являвшимся одним из высших руководителей гоминьдановского правительства⁸¹.

Японская агрессия против Китая также проходила под лозунгами «панасиатизма», «создания азиатской сферы совместного процветания», которые пользовались популярностью в китайском обществе. Этим же лозунгам был привержен и марионеточный режим Ван Цзинвэя, который смог сформировать многочисленную армию, на некоторых этапах превосходившую по численности армию Чан Кайши⁸².

Такие японские воззрения воспринимались в Соединенных Штатах и Европе со всей серьезностью и в огромной степени способствовали возрождению в этих государствах страхов, связанных с «желтой опасностью», столь характерных для начала XX в. И.В. Сталин прекрасно это понимал и старался использовать приверженность

⁷⁸ В написанных в июне 1919 г. «Различных заметках о (событиях) в мире» (世界杂平) Мао Цзэдун отмечал: «Рейнская республика» — пародийно-комическое государство. Государства Антанты желают отграничить долину Рейна как Великую стену, защищающую их от врагов, однако прежде всего должны разорвать ее отношения с Германией, создать отдельное государство. Слышал, что уже создали временное правительство в Висбадене и сделали президентом некоего доктора Дортена. Не ведаю, неужели этот доктор Дортен в самом деле столь сильно возрадовался? Люди из династии Цзинь возвели на престол Лю Юя, кидани возвели на престол Ши Цзинтана, у нас в Китае также было несколько подобных государств». См.: Mao Zedong sixiang wansui 毛泽东思想万岁 [Long Live Mao Zedong Thought] (1913–1945). Neibu wenjian, yanjin waichuan 内部文件, 严禁外传 [Internal document, strictly confidential — not for external circulation]. [n.p., n.d.], p. 8. (In Chinese).

⁷⁹ Обобщающая японская работа на эту тему с соответствующими практическими рекомендациями именовалась: Yiminzu Zhina tongzhi shi 异民族支那统治史 [History of Foreign Peoples' Rule over "Shina" (China)], 1943. (In Japanese).

⁸⁰ Караева К.А. Маньчжоу-го (1931–1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке // Уральское востоковедение. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. Вып. 1. С. 75–89.

⁸¹ Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и во время Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. №2. С. 752, 758–759.

⁸² Чудодеев, с. 752, 759. Conroy F. H. Japan's War in China: An Ideological Somersault // Pacific Historical Review. 1952. Vol. 21. No. 4 (Nov.). P. 367–379.

западников «теории желтой опасности» для укрепления отношений с Китаем в целях совместного противостояния и Европе и Японии⁸³.

В то время советский руководитель вряд ли предполагал, что у этой темы через несколько лет возникнет совершенно иной поворот. В марте и апреле 1941 г. японский министр иностранных дел Е. Мацуока дважды (по пути в Берлин для переговоров с руководителями нацистской Германии и на обратном пути) провел в Москве важнейшие беседы с И.В. Сталиным, результатом которых стало подписание 13 апреля Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. В ходе обмена мнениями Мацуока упорно проводил мысль о том, что Япония под руководством императора проводит внутри страны политику так называемого «морального коммунизма», имеющего много общего с коммунизмом советским. На этой основе, утверждал японский мининдел, будет создаваться и «сфера совместного процветания в Восточной Азии». Мацуока также утверждал, что в Китае Япония не воюет с народом этой страны, но стремится только изгнать «англосаксонский капитализм» из Азии. Все это, по мнению японского представителя, создавало надежную основу для присоединения СССР к «трехстороннему пакту» Германии, Японии и Италии.

И.В. Сталину в тот момент критические важно было достичь с Японией соглашения о нейтралитете. В силу этого он осторожно ответил, что вообще-то советская сторона никогда особо не дружила с англосаксами. Провожая Мацуоку на Ярославском вокзале, Сталин сначала повел его «...в привокзальный ресторан, где они с Молотовым напоили его, а затем, обняв отяжелевшего японца и шепча ему на ухо: “Вы азиат и я азиат, мы должны объединиться”, Сталин довел его до вагона и буквально втащил в поезд на глазах у всего дипломатического корпуса, выстроившегося на перроне»⁸⁴.

⁸³ «Тов. С(талин): «.....Англичане хотят, чтобы Китай подрался с Японией, но Англия боится победы и Японии и Китая. Она очень хочет, чтобы и Япония и Китай ослабли. Китайцы могут победить японцев безусловно....В Китае плотное население, против Китая нет объединенной империалистической силы, Америка и Англия в стороне, дерется только Япония. Против Советской России воевало 14 государств, но Россия победила. И не будет ничего удивительного, если после того, как Китай ослабит Японию, а в правящих кругах последней начнется драка, и нынешнее японское правительство будет низвергнуто. Хирота фашист, слуга фашизма. Современное японское правительство не правительство Коноэ, а правительство Хирота. Если бы я был китайцем, то звал бы свой народ на сопротивление не на три месяца, а на три года. За эти три года мы вам поможем. У вас будут свои летчики, своя артиллерия, а при этих условиях никто не победит Китай. Все европейцы боятся желтой опасности, но тогда они будут бояться не желтой, а революционной опасности. Надо убедить Чан Кайши завести свою собственную авиационную и артиллерийскую промышленность. Нам никто не помогал, немцы только мешали, а мы создали свою мощную военную промышленность. Мы, большевики, если подписали договор, то умрем, а выполним его, не так, как европейцы, которые свои обязательства не выполняют» (№ 121, 1937 г., ноября 18. Запись беседы И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова с главой китайской делегации маршалом Ян Цзэ и его заместителем Чжан Цюнем по вопросу о советской помощи в войне с Японией», в «Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Книга 1: 1937-1944 гг. / Отв. Ред. С.Л. Тихвинский, М.: «Памятники исторической мысли», 2000, с. 152–153.

⁸⁴ «734. Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина с министром иностранных дел Японии Е. Мацуокой», 24 марта 1941 г. Сов. секретно, Особая папка, «Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. XXIII: В 2-х кн. Кн. 2(1) 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М.: Междунар. отношения, 1998. 448 с. (Министерство иностранных дел Российской Федерации). С. 501-502; Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина с министром иностранных дел Японии Е. Мацуокой. Там же. С. 561–562; Панцов А. Непобежденный. Подлинная история Чан Кайши. М.: «Молодая гвардия», 2019. С. 326.

Казалось бы, начинает сбываться упомянутый выше прогноз Сунь Ятсена, предрекавшего, что Советский Союз («новая желтая раса») вместе с представителями «старой желтой расы» собирается заняться изгнанием вредоносных «англосаксов» из Азии.

5.5. Этим пророчествам не суждено было сбыться. Заигрывание Сталина с идеями противостояния Западу в союзе с «желтой расой» было хладнокровно рассчитанным тактическим шагом, призванным реализовать геополитические интересы СССР. Когда ситуация радикально изменилась, советский маршал столь же хладнокровно перешел на противоположные позиции и стал задействовать «христианский фактор».

Как известно, будучи истинно верующим христианином, Чан Кайши стал интерпретировать борьбу Гоминьдана с китайской компартией как схватку сил света с сатаной⁸⁵. Именно такая приверженность китайского руководителя христианской вере была одним из (хотя и не основным) факторов, побуждавших президента США Ф.Д. Рузвельта, который также являлся глубоко верующим человеком, отстаивать необходимость признания за тогдашним Китаем статуса великой державы — невзирая на скептическое отношение к этому, например, со стороны И.В. Сталина⁸⁶.

Президент США Ф.Д. Рузвельт в рамках своего «нового курса» вынужден был пойти на существенное усиление регулирующей роли государства в экономике. Он также был глубоко религиозным человеком, полагавшим очень трудным взаимодействовать с государствами, которые осуществляли гонения на верующих. В 1942 г., когда формировались основы для самого тесного взаимодействия между США и СССР в борьбе с нацизмом, Рузвельт в кругу ближайших соратников говорил о своей вере в то, что возможность долгосрочного взаимодействия (в том числе и после победы над нацистской Германией) между Соединенными Штатами и Советским Союзом может основываться не только на сиюминутной общности геополитических интересов, но и на таком мощном фундаменте, как своеобразная «конвергенция» между внутренними устройствами двух государств. По мнению главы американского государства, в экономике это могло проявиться в относительном возрастании регулирующей роли правительства в США и в появлении рыночных элементов в советской экономике. Еще более важным, с точки зрения Президента США, было возможное возрастание в СССР личных и религиозных свобод. В случае развития подобного процесса он считал возможным и постепенное изменение самой сути внешнеполитической стратегии Советского Союза — постепенное исчезновение в ней элементов, связанных со стимулированием «мировой революции», и ее возврат ко вполне понятному для американцев отстаиванию геополитических и экономических интересов, характерному для дипломатии императорской России⁸⁷.

⁸⁵ Священник Петр Иванов. Из истории христианства в Китае. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2005. С. 76.

⁸⁶ «Сталин испытывал сомнения относительно возвышения Китая до статуса Великой Державы. Президент (Рузвельт — С.Г.) ответил, что причина, по которой он настаивает на участии Китая в Московской декларации четырех держав, состоит не в том, что он не видит современной слабости Китая. Он думает на перспективу, сказал Рузвельт. В конце концов Китай является 400-миллионной нацией и он думает, что лучше иметь их в качестве друзей, чем источника неприятностей». Harriman A., Abel E. (1975). *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. New York: Random House. P. 271.

⁸⁷ Harriman A., Abel E. (1975). *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. New York: Random House. P. 169–170.

5.6. И.В. Сталин в середине 30-х гг. оценивал Ф.Д. Рузвельта как самого выдающегося руководителя западного мира и признавал важное позитивное значение проводимого им «нового курса». Вместе с тем он категорически и однозначно отвергал возможность «конвергенции» между внутренними социально-экономическими системами, существующими в США и в СССР⁸⁸.

По мере нарастания угрозы глобальной войны И.В. Сталин в первую очередь приступил к ликвидации «коммунистических» элементов, ограничивавших «простор для маневра» в поисках различных вариантов союзов в зарубежных партнерах, из внешней политики страны⁸⁹. После начала Великой Отечественной войны эта задача стала еще более актуальной.

Очень важен в этом отношении 1943 г., когда в СССР был принят целый ряд существенных шагов по восстановлению таких атрибутов государственной и социальной организации, которые были характерны для царской России⁹⁰.

Эти мероприятия, конечно же, призваны были мобилизовать на борьбу с агрессорами такой мощный фактор, как русский патриотизм. Нельзя, однако же, упускать из

⁸⁸ Особенно выпукло проявилось это во время состоявшейся в 1934 г. беседы между И.В. Сталиным и знаменитым писателем Г. Уэллсом. Последний всячески стремился убедить советского руководителя в возможности и полезности такого сближения, однако совершенно в этом не преуспел. См.: Сталин И.В. Беседа с Г.Д. Уэллсом // Сталин. Большая книга интервью / Сост. В.П. Бутромеев. М.: Проспект, 2025. С. 152–175.

⁸⁹ В начале 1972 г. сотрудник ЦК КПСС А.С. Черняев сделал следующую весьма примечательную запись в своем дневнике: «Заехал в ЦК. Почитал дневник Димитрова. В 1938 г. отчетливо видна тенденция Сталина стереть коммунистическое обличье в политике СССР: всякие коминтерновские заседания (пленумы ИККИ, секретариаты и прочие) велел проводить закрыто. Не публиковать никаких директив; ликвидировал интербригады в Испании; прикрыл идею Димитрова о “международной рабочей конференции в защиту Чехословакии”; запретил Торезу свергать Блюма; велел испанским коммунистам втихую уйти из правительства Народного фронта (“без шуму”!) и т.д. Ну вот — зачем? Тогда уже готовился к союзу с Гитлером или рассчитывал на союз с Англией и Францией??». См.: Черняев А.С. Совместный исход. Запись от 27 февраля 1972 г. / А. Черняев. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008.

⁹⁰ Так, 10 октября был введен орден имени такого дореволюционного деятеля, как Богдан Хмельницкий, а 3 марта 1944 г. — ордена Ушакова и Нахимова. Одновременно только для рядового и сержантского состава был введен орден Славы трех степеней, частично повторявший существовавший до революции знак отличия ордена св. Георгия — георгиевский крест для нижних чинов. Огромный резонанс имело введение в Красной Армии погонов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1943 г. 21 августа 1943 г. были созданы суворовские и нахимовские училища, а 17 июля того же года — восстановили дореволюционную систему раздельного обучения в начальных, неполных и полных средних школах. Для девочек — школьниц ввели форму, практически полностью копирующую форму дореволюционных гимназисток. Была введена служебная форма в одиннадцать гражданских ведомств, очень напоминавшая ту, которая существовала в царские времена. Без преувеличения, огромное значение имела опубликованная 5 сентября 1943 г. информация о встрече Сталина и Молотова с митрополитами русской православной церкви. Через три дня после этого архиерейский собор избрал Сергия патриархом. Наконец, 28 октября 1943 г. был принят за основу новый вариант государственного гимна (авторы текста — С.В. Михалков и Эль Регистан). Было официально признано, что старый гимн «по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране». В новом гимне воспевался «Союз нерушимый», который «сплотила навеки великая Русь». См.: Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра — Книжный клуб, 2000. С. 250–259.

виду и другое стратегическое соображение, которое стояло за всеми подобными шагами — стремление убедить западных союзников в отсутствии у Советского Союза намерений заниматься организацией «мировой революции» и появление в этой связи надежного базиса для долгосрочного, крупномасштабного и всестороннего сотрудничества и в период разгрома нацистов, и после него. Особенно важным в этой связи был состоявшийся в мае 1943 г. роспуск Коминтерна⁹¹.

Эти шаги Сталина на фоне убежденности в возможности «конвергенции» на «макроуровне» были, безусловно, позитивно встречены на Западе⁹². Такое «единение христианских стран» представлялось особенно естественным и органичным на фоне пропагандировавшейся японцами «паназиятской» идеологии.

Позиционирование Советского Союза в качестве «преемника» царской России, несомненно, помогало решить стратегические задачи и на «микроуровне». Это, прежде всего, существенно облегчило для руководителей США и Великобритании принятие решения согласиться на выдвигаемое Сталиным требование о необходимости «восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году» и о закреплении этой договоренности в официальном соглашении, подписанном в Ялте 11 февраля 1945 г.⁹³

5.7. Содержание этого соглашения вызвало сильнейшее недовольство и со стороны правительства Чан Кайши, и со стороны китайских коммунистов. Оно было воспринято, как свидетельство того, как возвращение к практике XIX в., когда западные христианские государства навязывали восточным азиатским странам соглашения, имеющие неравноправный характер. Так, например, г-н Гу Вэйцзюнь — ведущий

⁹¹ Основные цели, которые ставились при этом советским руководством, были, в частности, изложены И.В. Сталиным в письменных ответах на вопросы британского журналиста Гарольда Кинга 27 мая 1943 г.: «...Роспуск Коммунистического Интер(национала) правилен так, как:

а) Он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что “Москва” якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и “большевизировать” их. Этой лжи отныне также кладется конец....

в) Он облегчит работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь, для развертывания борьбы против фашизма». См.: Димитров Г. Дневник Георгия Димитрова (1941–1945) / отв. сост. Т.Г. Заозерская. М.: Кучково поле, 2020. С. 375.

⁹² Узнав о роспуске Коминтерна Мартин Диез — член Палаты представителей конгресса США — с сожалением заявил, что отныне возглавляемый им Комитет по расследованию антиамериканской деятельности этой палаты останется без работы (Harriman, Abel, p. 307). 1 января 1944 г. У. Черчилль в личном послании И.В. Сталину написал: «...Если Вы перешлете мне ноты нового советского Гимна, я бы мог позаботиться о том, чтобы Британская Радиовещательная Корпорация передавала его во всех случаях, когда будут передаваться сообщения о важных русских победах». В ответном послании от 2 января И.В. Сталин пообещал прислать ноты нового Гимна с ближайшей почтой. См.: Переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем, К. Эттли, Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Russian Chess House. С. 171. Британский премьер ни в коем случае не мог обратиться с такой просьбой в период существования предыдущего советского гимна, в качестве которого использовался «Интернационал».

⁹³ Соглашение руководителей трех Великих держав — СССР, США, Великобритании по блоку дальневосточных проблем // Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Советско-китайские отношения. Т. IV: 1937–1945. Кн. 2: 1945 г. / Сост. А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников; отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 16.

дипломат гоминьдановских властей — был возмущен тем, что эти соглашения были достигнуты без участия Китая. Он подчеркивал, что ялтинские договоренности возвращают Китай в эпоху «неравноправных договоров» и сводят на нет 30-летние усилия китайской дипломатии по избавлению от них⁹⁴. В свою очередь, Чжоу Эньлай указывал, что в Тегеране и Ялте великие державы договорились о разделе Китая на сферы влияния⁹⁵. Такое негативное отношение к ялтинскому соглашению доминирует в китаезычных исследованиях.

В государственной резиденции «Чжуннаньхай» в Пекине 17 марта 1956 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПК, на котором обсуждали итоги XX съезда ЦК КПК. Именно во время этого заседания китайские руководители (в том числе сам Мао Цзэдун) впервые стали высказывать критические замечания в адрес внешней политики, проводимой И.В. Сталиным. В это время Ван Цзясян и Чжан Вэньтянь (соответственно, первый и второй послы КНР в Советском Союзе С.Г.) заявили о том, что «начиная с Петра Великого, влияние традиций великодержавия имеет очень глубокие корни в мозгах россиян»⁹⁶.

Таким образом у китайского руководства утвердилось мнение о том, что политика СССР в отношении Китая по сути своей является продолжением политики царской России, которая, как было упомянуто выше, складывалась в ходе длительного и весьма непростого процесса разграничения между двумя огромными империями.

У представлений о «желтой опасности» имелось и очень серьезное «демографическое измерение».

Выше было отмечено, что в период маньчжурской империи Цин пресекалась миграция ханьского населения на территорию нынешних трех Северо-Восточных провинций Китая и далее, к северу от Амура. Это самым существенным образом облегчило российское продвижение вдоль долины этой реки к побережью Тихого океана. Во второй половине XIX в. эти миграционные ограничения были отменены и значительные группы китайцев стали прибывать на территории, уже попавшие под контроль Российской империи. У сравнительно немногочисленного, лишь недавно попавшего на Дальний Восток и находившегося очень далеко от «коренной России» населения империи такой бурный рост числа китайских переселенцев вызывал самые разные опасения и страхи, которые интегрально выражались в представлениях о

⁹⁴ Gu Weijun, 1997. Выдающийся китайский философ Ху Ши, который в 30-х годах был послом Китайской Республики в Вашингтоне, считал, что, с подписанием Ялтинского соглашения по дальнему Востоку для Среднего государства «история обратилась на 40 лет вспять». См.: Hu Shih (1950). *China in Stalin's Strategy*. Foreign Affairs. Vol. 29. No. 1 (Oct.). P. 38.

⁹⁵ Wu Lengxi 吴冷西. (1999). *Shinian lunzhan: 1956–1966 Zhong–Su guanxi huiyi 十年论战: 1956–1966 中苏关系回忆* [Ten-Year Polemics: Memoirs on Sino–Soviet Relations, 1956–1966]. Beijing 北京: Zhongyang wenxian chubanshe 中央文献出版社 [Central Party Literature Press]. Vol. 1. P. 5, 207. У Лэнси (1919–2002) начиная с 1939 г. работал в Отделе пропаганды ЦК КПК, в 1941 г. стал «личным автором текстов» для Мао Цзэдуна и сохранял такую роль вплоть до середины 60-х гг. прошлого века. В 1951 г. был назначен генеральным директором телеграфного агентства «Синьхуа», а в 1957 г. по совместительству был назначен главным редактором газеты «Жэньминь жибао». Был составителем целого ряда установочных выступлений Мао Цзэдуна и программных публикаций в китайских СМИ. Его книга является важнейшим источником о выработке китайским руководством политики в отношении СССР в 1956–1966 гг.

⁹⁶ Там же, т. 1, с. 5.

«желтой опасности». Иногда такого рода фобии приводили к совершенно диким последствиям с человеческими жертвами, среди которых печально знаменитым является «Благовещенский погром»⁹⁷. Эти представления пережили Октябрьскую революцию и сыграли чрезвычайно заметную роль в советскую эпоху.

Н.С. Хрущев поставил своей целью исправление тех «ошибок», которые существовали в политике Сталина в отношении Китая, и многое для этого сделал. Однако с середины 50-х гг. прошлого века он стал подозревать Китай в намерении, через сотрудничество в направлении рабочей силы, наводнить Сибирь своими людьми, ассимилировать ее население и в конечном счете аннексировать территории к востоку от Урала. Ситуация была в огромной степени усугублена тем, что советский лидер через германского канцлера К. Аденауэра, предложил западному миру совместно выработать меры противостояния такой «желтой опасности» и об этом его предложении вскоре стало известно китайским руководителям⁹⁸.

В этой ситуации был еще один и чрезвычайно важный аспект. Существует много свидетельств тому, что, развертывая критику «культ личности» Сталина, Н.С. Хрущев на деле воплощал в жизнь некоторые важные направления стратегии, разработанные советским генералиссимусом⁹⁹. В этом плане заслуживает пристального изучения одно из фундаментальных направлений сталинской национально-демографической политики.

Л.М. Каганович в своих мемуарах отмечает, что в докладе на III съезде крестьянских депутатов (Петроград, 10–18 января 1918 г.) И.В. Сталин «...начал с того, что подчеркнул важность и большое значение этого (*национального* — С.Г.) вопроса, который волнует в настоящее время Россию. «Серьезность этого вопроса усугубляется тем, что великороссы не составляют абсолютного большинства населения в России и окружены рядом других недержавных народов, населяющих ее окраины»¹⁰⁰. Сталин решал эту проблему двумя основными методами. Во-первых, он организовывал выселение из наиболее важных приграничных районов потенциально нелояльных национальных групп¹⁰¹.

⁹⁷ См. Дятлов В., Гузей Я., Сорокина Т. Китайский погром. Благовещенская «утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. Санкт-Петербург: «Нестор — История», 2020.

⁹⁸ Этот сюжет подробно описан в статье: Гончаров С.Н. О примечательной судьбе одного важного текста (Воспоминания Ивана Васильевича Архипова о работе в Китае) // Путь к нефритовому источнику: сборник статей к 70-летию профессора Н.А. Самойлова / сост., отв. ред. А.М. Харитонов. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского, 2025. С. 667–676.

⁹⁹ «Сталин исходил из своего обычного *modus operandi* (образ действий) видеть врагов повсюду и во всех национальностях, особенно в евреях – раз космополиты, значит, не могут быть патриотами. Хрущев, кстати, был в вопросах безопасности со Сталиным согласен...». См.: Хрущева Н.Л., Никита Хрущев: вождем вне системы. М. АФК «Система»; Политическая энциклопедия, РОССПЭН, 2024, с. 318.

¹⁰⁰ Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста — большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. С. 175.

¹⁰¹ «... В Приморье было 170 тысяч корейцев. Япония среди них очень хорошо поработала, поэтому мы их в две недели выселили в Казахстан и Япония никаких претензий к нам не предъявляет...» (№ 121, 1937 г., ноября 18. Запись беседы И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова с главой китайской делегации маршалом Ян Цзэ и его заместителем Чжан Цюнем по вопросу о советской помощи в войне с Японией), в «Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Книга 1: 1937–1944 гг. С. 156.

Во-вторых, он полагал, что в важнейших приграничных регионах необходимо существенно наращивать долю представителей «державных» этносов. Сталин, например, утверждал, что в настоящее время доля людей ханьской национальности в общем населении Синьцзяна не превышает 5%, и подчеркивал, что после освобождения Синьцзяна необходимо довести долю людей ханьской национальности в общем населении до 30%, развивать этот огромный и очень богатый ресурсами регион путем переселения людей ханьской национальности из других регионов для того, чтобы охранять границы Китая.

Сталин подчеркнул, что, вообще говоря, во имя защиты Китая, необходимо переселять китайцев во все приграничные регионы¹⁰².

Как отмечалось выше, Н.С. Хрущев испытывал самые серьезные опасения в связи с китайской «демографической экспансией» («желтой опасностью»). Очевидно, этот вопрос постоянно занимал его, и он вспоминал о нем в самых неожиданных формах и при самых неожиданных обстоятельствах¹⁰³. Очень вероятно, что в этой ситуации советский руководитель принял решение решать эту проблему проверенными сталинскими методами — путем форсированного заселения важнейших приграничных регионов представителями «государствообразующего этноса».

Такие ключевые, принятые или реализуемые Н.С. Хрущевым после состоявшегося в октябре 1954 г. визита в Китай внутриполитические решения, как освоение целинных и залежных земель, ускорение освоения Сибири (в частности, путем строительства там крупнейших ГЭС), основание Сибирского отделения Академии наук СССР, безусловно, мотивировались прежде всего внутриполитическими соображениями. Однако в свете всего сказанного выше, нельзя не сделать обоснованное предположение о том, что не самую последнюю роль здесь сыграл и упомянутый «китайский фактор».

В свою очередь, и китайская сторона стала перемещать свои стратегически значимые промышленные предприятия от границ СССР во внутренние районы страны.

В конечном счете постепенно сформировалась ситуация, в рамках которой территориальная (пограничная) проблема превратилась в один из важнейших элементов

¹⁰² Запись беседы И.В. Сталина с делегацией ЦК КПК о кредите СССР Китаю, возможности направления советских специалистов в Китай и других вопросах советской помощи Китаю. 27 июня 1949 г. // АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 329. Л. 1–7; Советско-китайские отношения. 1917–1957: Сб. док. / Ин-т китаеведения АН СССР; Отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. М.: Изд-во вост. лит-ры, С. 148–151.

¹⁰³ В декабре 1963 г., выступая на Пленуме Президиума ЦК КПСС, посвященном реализации советского семилетнего плана, Н.С. Хрущев заявил буквально следующее: «Я разговаривал с тов. Лаврентьевым, я сейчас, может быть говорю в разбросанной последовательности, может быть не по повестке дня говорю, но я считаю, что он прав. Он проявляет беспокойство о том, что Дальний Восток у нас не заселен. Мы все это знаем, нового академик нам не сказал ничего, но беспокойство его, проявленное по этому вопросу, оно правильное, и нас это тоже должно беспокоить. Китайцы в тех же условиях, и для них это не является радостью, но и для нас это является ненормальным, что так слабо заселен этот район». См.: Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы. Москва: РОССПЭН, 2015. С. 808. Этот достаточно корявый текст можно понять следующим образом: в ходе беседы президент Сибирского отделения Академии наук СССР академик М.А. Лаврентьев заявил о своей обеспокоенности слабой заселенностью советского Дальнего Востока в условиях, когда рядом проживает огромное китайское население, находящееся во столь же тяжелых природных условиях.

противостояния между двумя государствами. При этом Москва обвиняла Пекин в продолжении конфронтационной политики китайских императоров, а КНР уличала СССР в наследовании экспансионистской политики русских царей¹⁰⁴.

Процесс преодоления этих противоречий начался в 1969 г. — в момент наивысшего обострения конфликта. Это потребовало продолжавшихся много десятилетий огромных усилий со стороны высших руководителей и дипломатов двух стран. Важнейшими вехами в этом процессе стало подписание в 2001 г. Договора, в котором стороны констатировали отсутствие взаимных территориальных претензий и утверждение в 2004 г. линии прохождения границы на последнем несогласованном ее участке. В итоге сформировалось нынешнее положение дел, в рамках которого общая граница между Россией и Китаем является стеновым хребтом, основной несущей конструкцией в двусторонних связях¹⁰⁵.

Еще более продолжительное время потребовалось на постепенное преодоление «демографических страхов»¹⁰⁶. Как известно, принципиальная договоренность о введении на взаимной основе безвизового режима была достигнута в начале сентября 2025 г. во время переговоров между В.В. Путиным и Си Цзиньпином.

Китайская сторона приступила к реализации этой договоренности с середины сентября 2025 года. Будет весьма любопытно понаблюдать за тем, каким образом будет претворять ее в жизнь российская сторона.

Это — показательный пример того, что подчас очень трудно в полной мере понять значение современных событий без выявления их глубоких корней, которые подчас теснейшим образом переплетены друг с другом.

¹⁰⁴ Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях // О Китае средневековом и современном: записки разных лет / под общ. ред. акад. А.А. Кокошина. Новосибирск: Наука, 2006. С. 360–373.

¹⁰⁵ Гончаров С.Н. Китай и специальная военная операция России (февраль 2022 — апрель 2023 гг.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2024. С. 26–48.

¹⁰⁶ Мне довелось участвовать в переговорах с китайскими коллегами-дипломатами относительно выработки межправительственных договоренностей по визовым вопросам. В связи с этим могу ответственно констатировать, что для российской стороны одним из важнейших факторов, сдерживавших принятие решений о либерализации визового режима были (во многом надуманные) подогреваемые СМИ страхи общественности, связанные с китайской «демографической экспансией». Китайские оценки влияния «демографического фактора» на подходы России к отношениям с КНР хорошо суммированы в книге 张晓云著, 移民对当代中俄关系的影响. 非传统安全视角的分析 (Impact Factors of Immigrants on the Current Sino-Russian Relations: An Analysis on the Current Perspective of Non-traditional Security) 北京. 时事出版社. 2010, 244–248 页.